

охота

и охотничье хозяйство

9

2011

Оберечь птиц от гибели на проводах

Линии электропередач на безлесных просторах южных степей Европейской части России появились в большом количестве во второй половине XX века.

В последние годы поражение электрическим током стало настоящей бедой для пернатых, поскольку как миграционные пути, так и места отдыха птиц сплошь и рядом пролегают там, где есть линии электропередач. С одной стороны, существует серьезная угроза для самих птиц, с другой — разрушаются провода, и электрические компании несут существенные убытки из-за перерыва в работе и восстановления поврежденных участков электролиний.

Существенной угрозой для крупных птиц в Центральном Предкавказье являются столкновения с проводами ЛЭП. Этот аспект недостаточно освещен в специальной литературе.

Материал для настоящего сообщения был собран с 2000 по 2010 гг. в Центральном Предкавказье. Полевые исследования проводили ежегодно в одно и то же время — с 3 по 11 июня. Маршрут учета проходил вдоль дамбы на р. Дунда протяженностью 500 м и на расстоянии 10 м в обе стороны от ЛЭП. Также представлены результаты учета погибших птиц при столкновении с проводами ЛЭП в холодную зиму 2008 г. 11 и 19 января в урочище Манычстрой.

О случаях гибели птиц от столкновений с проводами линий электропередач в Центральном Предкавказье известно немного (Бичерев, Хохлов, 1985). Под многими опорами ЛЭП найдены костно-перьевые останки птиц и их тушки. Иногда птицы остаются висеть на проводах. Наибольшую опасность для птиц представляют воздушные линии электропередач мощностью 10 кВ на железобетонных опорах со штыревыми изоляторами, закрепленными на металлических траверсах (Карякин и др., 2004).

Так, 9 сентября 2005 г. в пасмурную погоду (вечером 8 сентября прошел дождь, похолодало, температура воздуха была +15 °С) в 17 км от г. Ипатово Ставропольского края был найден погибший на ЛЭП орел-карлик (Маловичко, 2009). Линия электропередач проходит вдоль оживленной трассы «Ставрополь — Элиста» на расстоянии 40 м от дороги. Птицы в полете разбиваются о провода значительно реже. Как правило, дезориентация и травматизм пролетных птиц в зоне ЛЭП случается в периоды, когда возникает опасность со стороны хищника или человека. Нам приходилось наблюдать, как птицы сталкиваются с проводами в короткий временной промежуток после выстрела в сезон охоты (Федосов и др., 2010). Большую часть жертв после падения быстро растаскивают лисы. Лишь немногочисленные жертвы остаются лежать на месте падения или висеть на мачте.

В результате анализа собственных и опросных данных удалось собрать информацию о погибших птицах при столкновении с ЛЭП. Так, 4 июня 2001 г. под проводами на мелких островках в дельте р. Дунда среди воды обнаружены 3 трупа лебедей-шипунов и 1 большой баклан. Так как добраться хищникам до них было затруднительно, тушки довольно долго сохранялись целыми. 31 мая 2002 г. обнаружены останки еще 3 шипунов под ЛЭП. След от перьев указывал на то, что один лебедь некоторое время был еще жив; 11 июня 2002 г. на расстоянии 160 м от ЛЭП у дамбы обнаружен труп кудрявого пеликана. Недалеко от дамбы на берегу р. Дунда обнаружены останки большой белой цапли и пеганки. Еще гибель птиц отмечена 23 марта 2006 г. — под ЛЭП около дамбы погибли 2 лебедя-шипуна. На противоположной стороне в 120 м найдены останки малой белой цапли, речной крачки и хохотуны. Через 4 дня здесь же был обнаружен труп кудрявого пеликана, разбившегося о провода.

При обследовании островков в устье р. Дунда под ЛЭП 6 июня 2007 г. отмечен полуразложившийся труп пеликана, три шипуна, одна малая белая цапля. В этот же день мы стали очевидцами одновременной гибели пары шипунов при столкновении с проводами. У самца была повреждена шея. Он был жив еще в течение 4 часов. Самка по-

Автор статьи Л. Маловичко с только что погибшим лебедем

гибла от удара током, коснувшись провода лапкой, и упала в 3,5 м от самца. Аналогичный случай произошел 4 августа 2007 г. когда в этом же месте одновременно разбились о провода пара взрослых шипунов. Все случаи гибели связаны с тем, что птицы, чаще всего при посадке на воду, с высоты не видят провода, в результате чего и происходит столкновение.

При обследовании участка площадью около 2 га 10 июня 2007 г. отмечены останки 6 хохотуний, одной черноголовой чайки, одной серой цапли. На противоположной стороне дамбы найдены погибшие: лебедь-шипун, речная крачка, малая белая цапля. В 350 м от дамбы был обнаружен обезглавленный шипун в результате столкновения с ЛЭП. Голова была найдена около норы лисицы в 600 м от дамбы. У этой норы были обнаружены перья и лапы большого баклана, лысухи, грача, а также обожженная током лапа шипуна (мы обнаружили эту нору по «перьевому дорожку», тянущейся от погибшего лебедя). В 2005—2007 гг. в районе наших исследований была одна нора лисицы, в 2008 — их стало три. Многие четвероногие хищники, такие как лисы, пастушки собаки, енотовидные собаки, а также луны, хохотуны и врановые, специализируются на кормлении под ЛЭП (Андрющенко и др., 2002). Они регулярно пропесывают территорию вдоль

охота

и охотничьи хозяйства

9

2011

Ежемесячный иллюстрированный журнал.

Учредители: трудовой коллектив редакции журнала.
Союз обществ охотников и рыболовов РФ.

*Основан в октябре 1955 г.

© «Охота и охотничьи хозяйства»

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

Орел-карлик

ЛЭП в поисках корма и, обнаружив разбившиеся трупы, относят их в логово, а мелких съедают на месте, поэтому число птиц, погибших от удара током, оценить трудно.

В ходе учета зимующих птиц 11 января 2008 г. (температура воздуху достигала минус 26 °С) и 19 января 2008 (температура воздуха минус 7 °С) нами была обследована площадка у железнодорожного моста урочища Манычстрой. Вдоль железнодорожной дороги проходит линия электропередач. Урочище Манычстрой — это брошенный оросительный канал. Тростниковые плавни тянутся вдоль русла р. Маныч от его устья на восток. Ширина плавней — около 2 км, длина — 16 км.

В сильные морозы птицы собираются в тростниковых крепях у гидротех-

нических сооружений, где вода не замерзает за счет увеличения скорости течения. Стабильно много, даже в суровые зимы, здесь бывает крякв, гусей, лебедей, которые питаются как на открытой воде, так и на полях. На незамерзающих протоках кормятся большие бакланы, цапли. По берегам незамерзающих степных речек и каналов, поросших тростником, ежегодно зимуют выпи. Вместе с выпью зимуют малочисленные пастушки (Маловичко, Федосов, 2006).

Так, 19 января мы обнаружили 3 больших выпи, погибших при столкновении с ЛЭП: одну под мостом, вторую на мосту (перья обнаружены и под мостом), третья замерзла в лед и частично была расклевана пастушками. Здесь же, в 4 м от выпи, найдена только что погибшая от столкновения с проводами серая цапля, а несколько раньше — кряква.

При обследовании территории в этот же день отмечены погибшие лебедь-шипун и кряква. Обстоятельства гибели птиц, сходны с предыдущим случаем. Погибших птиц расклевывали три пастушки. Над тростниками постоянно летал орлан-белохвост. Видимо они посещают места концентраций птиц на водоемах, периодически совершая облеты своей охотничьей территории. Это место редко посещают люди, поэтому на мосту и под мостом отмечены следы осторожных лисиц и волка.

Таким образом, во время наших полевых работ в 2000 — 2010 гг. на подконтрольных участках урочища Дунда и Манычстрой Апанасенковского района погибли 247 особей 14 видов птиц. Среди них чаще всего гибнут крупные птицы — лебеди, пеликаны, чайки, цапли. Учитывая небольшие размеры обследованной территории, остается только предполагать — сколько птиц гибнет на территории всего района (да и края в целом).

Чтобы предотвратить поражение пернатых электрическим током существует несколько способов. Во-первых, необходимо сооружать линии с изоляционным покрытием, которые позволяют избежать замыкания проводов и гибель птиц. Во-вторых, в местах частой гибели птиц от столкновения с ЛЭП оснастить провода отпугивающими устройствами.

К сожалению, стран, осознавших настоятельную потребность защищать «властителей воздуха», немного. Тем не менее существуют приятные исключения из правила. Например, Федеральный акт по охране природы в Германии, который был усовершенствован и принят в апреле 2002 г., содержит такое положение: «...все только что введенные электрические и технические сооружения среднего напряжения должны быть построены с учетом средств для защиты птиц. Электрические сооружения и технические средства среднего напряжения, уже используемые и представляющие риски для птиц, должны быть модифицированы для предотвращения угрозы поражений током в течение следующих десяти лет» (Хаас, Нипкоу, 2003).

Международные обязательства России в сфере предотвращения угроз животному миру подтверждены при ратификации «Конвенции о биологическом разнообразии» (Федеральный закон от 17.02.1995 № 16-ФЗ). Эксплуатация линий электропередач без птицезащитных и птицотпугивающих устройств в России является нарушением Федерального закона «О животном мире» (ст. 28).

Итак, проблема столкновения птиц с высоковольтными линиями электропередач на сегодняшний день недостаточно изучена и требует сотрудничества на различных уровнях с привлечением всех заинтересованных сторон.

Погибшие птицы под ЛЭП

Речная крачка

Трапеза лисицы

Малая белая цапля

Кудрявый пеликан

Пара шипунов

Черный коршун

Фото Л. Маловичко

Хозяйка с Севера

Просматривая в Интернете фотографии птиц и зверей, встретил в подписях такую фразу: «Почти всех своих птиц я сфотографировал в Ботаническом Саду».

Ехать с фотоаппаратом в мороз куда-то далеко в лес не очень удобно, а Ботанический Сад почти рядом. Поехал туда фотографировать птиц.

Сразу повезло: из дупла старого дерева, щурясь от дневного света, смотрела неясность. Сфотографировал ее.

Посетитель Сада показал место, где каждый день кормилась приютившая с Севера кедровка. Люди всю зиму подкармливают здесь птиц. Кедровка в центре внимания и чувствует себя хозяйкой. Ястребом набрасывается на голубей, которые оказались большими любителями кедровых орешков. Быстро-быстро склевывают не часто появляющиеся здесь таежные орешки. Обычно сойкам и кедровке приносят арахис. Синицам, поползням и другой птичьей мелочи — семечки. Сойки подлетают к прикормке, когда кедровка «загрузится» орешками и улетит прятать их в лесные закутки или просто в снег.

Наведываются к кормушкам дятлы и снегири. Неподалеку на рябинах кормятся дрозды, свиристели. Есть кого фотографировать.

Вечером заглянул в Интернет: не выложил ли фотограф, который подсказал про Ботанический Сад, новые снимки. Забыл его фамилию,помнится, простая русская фамилия.

Нашел сделанные им фотографии и удивился: среди новых, яркая, как огонь, птица — красный кардинал. Где же он его снял? Смотрю в подписях: «Место съемки — Канада! Так он не в Московском, а в Монреальском Ботаническом Саду снимает. Многие птицы там такие же, как у нас.

Спасибо ему за случайную подсказку. В нашем Ботаническом тоже есть, кого поснимать.

Анатолий СЕВАСТЬЯНОВ. Фото автора

По Большеземельской тундре

Н. ВЕХОВ, кандидат биологических наук, Институт Наследия. Фото автора

Сергей Васильевич Керцелли
(1869 — 1935)

После окончания биофака МГУ в начале 1970-х гг., отправившись в свою первую экспедицию в Большеземельскую тундру, я был очарован её необычной природой. Немало интересного перерпнуло я, изучая труды путешественников прошлого. Моё внимание привлекли один из первых отечественных академиков А.И. Шренк и ветеринарный врач С. В. Керцелли, изъездившие всю Большеземельскую тундру вдоль и поперёк с оленеводами-кочевниками. Их наблюдения оказались наиболее интересными и важными, поскольку относились к тем временам, когда местная природа оставалась нетронутой человеком. Оказалось, что по прошествии десятилетий со времён путешествий Шренка и Керцелли здесь стали заметны существенные изменения в биологии и распространении птиц и зверей, в том числе и традиционно промысловых.

Уже в первый год своего пребывания на Севере вместе с сопровождающими олени стада пастухами я отправился с зимних пастьбищ, находящихся у самой северной границы леса (на реках Большой Роговой, Усе, Колве), на летние, располагающиеся на побережье моря. Сюда, по старинной традиции, существующей не одно столетие, оленеводы пригоняли своих оленей. Только здесь, на берегу ледовитого моря, где всегда холоднее, чем в центре тундры, а дующий морской ветер сгоняет гнус, который мешает оленям кормиться и набирать вес, пастухи держат летом свои стада.

Один из необычных для безлесной тундры природных объектов — единственные на Крайнем Севере горячие

минеральные источники на ручье Пымвашор (в переводе с коми — «Ручей горячей воды») в долине реки Адзывы. Температура воды в них круглый год не опускается ниже 18 — 28 °С. Вода содержит более 20 элементов таблицы Менделеева — титан, хром, железо, цинк, никель, медь, бром, азот и др. У ненцев и коми источники считались целебными, их вода излечивала от желудочных, легочных и кожных болезней. По краям глубокого каньона, где течет ручей, растет редкий еловый лес. Ведь это самый юг тундры, а вдобавок — особые микроклимат и рельеф вокруг источника смягчают зимние морозы и обуславливают скопления снега, защищающего деревья от вымерзания.

Необычность этого места ещё и в том, что в слагающих древний кряж известняках находятся пещеры, в двух из которых обнаружены стоянки человека каменного века и жертвенное место с костями от ритуальных зверей (возраст около 24 тыс. лет).

Другим, поразившим меня в Большеземельской тундре, природным объектом стал ещё один реликтовый лес из ели сибирской, находящийся в нижнем течении реки Море-Ю (старинное самоедское название реки — Хабидепадара-яга, что переводится на русский язык как «Река у священного леса»). Этот уникальный участок лесной растительности — своеобразный остаток некогда былого обширного лесного покрова, занимавшего долины и водоразделя нынешних тундровых рек в эпоху климатического максимума около 8—10 тыс. лет назад. Возраст са-

мых старых елей в лесу превышает 200 лет. Лесной массив тянется по долине реки на десятки километров и отстоит от современной крайней северной границы леса на сотню с лишним километров. Облик этого северного леса за Полярным кругом поражает: посреди тундры растут стройные ели, только ростом чуть ниже, чем их далекие южные сестры, да ещё со стволами толщиной в пару обхватов.

Этот лесной остров в долине реки Море-Ю является пристанищем для хищных птиц — мохононого канюка, орлана-белохвоста, полевого луна, дербника и сапсана; они ежегодно гнездятся здесь и выводят своё потомство. Заходят сюда и остаются на несколько лет бурые медведи и росомахи.

Как и любая другая природная аномалия, лесной остров на р. Море-Ю — священный объект у самоедов (ненцев) и зырян (коми) на протяжении многих столетий. Кочевавшие мимо инородцы всегда стремились посетить его, принести подаяния своим богам, но только летом, да и то лишь в случае смерти одного из сородичей. Ещё пару столетий назад, когда религиозные представления у кочевых инородцев были более строгими, чем сейчас, они сокрахняли лесной остров, не нанося ему существенного вреда. Самое главное — не рубили лес, хотя дерево всегда ценилось у кочевников как очень дефицитный материал, используемый при изготовлении нарт, шестов для чумов. Даже А.И. Шренк более 170 лет назад не удалось посетить этот памятник северной природы. Лес на р. Море-Ю оставил для европейцев неизвест-

Река Тарью, юг Большеземельской тундры

Летний выпас оленей на Пай-Хое

ным до конца 1970-х гг., пока тут не побывали учёные и не рассказали о нём со страниц прессы.

Большеземельская тундра до сих пор остаётся прекрасной ареной для путешествий, охоты на куропаток и водоплавающую дичь. В XX в. регион стал интенсивно осваиваться, появились города и посёлки, всю территорию прошли геологи с разведкой на уголь, газ и нефть, ранее нетронутые ландшафты покрылись скважинами, к местам добычи полезных ископаемых соорудили зимние (временные) и постоянные шоссейные и железные дороги.

Любителям-охотникам были бы интересны сведения об их любимых охотничьих объектах — гусях, утках, куликах и куропатках, относящихся к тому далёкому времени, когда они обитали в девственной природе, а их спокойствие нарушали лишь жившие тут малочисленные инородцы-оленеводы, промысловики да рыболовы. Таких ценителей природы и охотников я хочу познакомить с путевыми записками С.В. Керцелли, которые он приводит в своей знаменитой книге «По Большеземельской тундре с кочевниками» (1911 г.).

Проехав по тундре с оленеводами не одну сотню километров, я полностью присоединяюсь к мнению С.В. Керцелли: большую часть года тут царит картина безысходности, глубокого уныния, однообразия. «Говоря о жизни в тундре, можно сказать, что она начинается собственно только в конце мая и кончается в сентябре. До мая месяца тундру оживляют только песцы и куропатки, и то значительная часть последних уходит в леса, и только в малоснежные зимы множество куропаток остается в тундре. Зимою тундра мертва: однообразно белая, она не оживляется сливающимися с ней по цвету песцом и куропаткой. Жуткая тишина нарушается только по временам унылым, стонущим лаем песца».

Картина начинает резко меняться с наступлением короткого полярного лета. «Как только появляются из-под снега первые одиночные бугры, тундра оживает и наполняется не умолкающим всё лето гомоном. Первыми появляются лебеди и в лесной полосе (лесотундре —

Н. Вехов) вороны и вороны, которых, впрочем, очень немного, и они приходят как-то мало заметными. По мере того, как стаивает снег, с юга тянутся стаики за стаиками: летят лебеди, гуси, утки, кулики. Я видел лебедей уже в апреле месяце, когда ещё вся тундра была покрыта толстым слоем снега и когда по начам морозы доходили до 18 °С. Туlessы — местное «тулесей», появляются совершенно неожиданно. Стая их в пролёте не видно, но вдруг появляется на кочках эта осторожная птичка и присоединяет свой меланхолический голосок к общему птичьему гомону.

Гуси прилетают в мае, причём с прилёта держатся большими стаями и только в июне разбиваются на пары. Из гусей в тундре добыл несколько гуменников, а осенью рабочие убили целую семью с птенцами белолобой казарки, которая в тундре довольно обыкновенна. Гуменник широко распространён по берегам всех тундровых речек.

Оленеводы ежегодно собирают массу его яиц и ловят много гусей капканом. Как только гнездо найдено, яйца выбираются, оставляется только одно. Гнездо несколько углубляется, и сверху яйца кладут капкан, который

Семья самоедов

маскируют пухом. Как бы ни осторожна была птица, но рано или поздно она подойдёт к гнезду и обязательно попадёт в капкан. Любопытно, что часто попадает не гусыня, а гусак. Если есть время, то пойманную птицу забирают и ставят капкан вторично, причём нередко попадается и вторая птица. Многие чумы (чум — это обычно семья пастуха-оленевода). — **Н. Вехов** разоряют таким образом до 30—50 гнёзд каждый. Раньше, говорят, выбирили до 100 гнёзд.

Понятно, что истребление гнёзд и выбивание линяющей птицы, широко практикуемое на севере, в конце концов сильно сокращает количество гусей.

Вслед за гусями появляются утки. Больше всего в тундре всяких нырков (имеются в виду нырковые утки. — **Н. Вехов**), но немало и чирков, свиязей, шилохвостов и широконосок. Ни разу не видел я в тундре кряквы. По-

Самоедское стойбище в предгорьях Полярного Урала

Северный олень во всей своей красе

видимому, широконоска не заходит в тундре к самому северу. Гоголь и крохаль не выходят из границы распространения леса. Нырки — синьга, турпан и чернеть морская, распространены по всей тундре. Зыряне называют двух первых нырков — «чёрная утка». Но более их тут распространена морянка, «авлия» по-зырянски. Не было ни одного озерка, на котором бы не гнездилась парочка этих нырков. На больших озёрах, где гнездилось по несколько пар, часто можно было наблюдать отчаянные драки самцов. Каждая пара ревниво оберегает свои владения и в свою область не пускает других морянок. Весною, в период спаривания, чаще всего можно было слышать крики морянок — протяжное «зааувли».

В начале, приблизительно, июня появлялись в тундре бекасы, дупеля, турхтаны и кроншнепы. Кроншнепы далеко к северу не заходят, они не доходят даже до Коротаихи.

Турхтаны переходят за Пай-Хой (неменьшая горная область, продолжение Урала на Югорском полуострове. — **Н. Вехов**) и встречаются в громадном количестве везде, где есть болотца, заросшие травой. Местные жители называют турхтана «петушок».

Во второй половине июня во множестве прилетают крачки, по-зырянски «куря». Необычайно смелые и прожорливые они постоянно с однообразным криком кружились около чумов и во множестве попадались на мясо в капканы. Ловили их специально для перьев. Домашней птицы, кроме кур, зыряне и самоеды не имеют и подушки делают из перьев дикой птицы. Один из

наших рабочих усердно ловил крачек на подушку.

Несколько раньше в первой половине июня появляются в тундре гагары — чернозобая и краснозобая, оглашающие тундру ужасным криком. Краснозобая гагара встречается много реже чернозобой и не заходит к северу дальше р. Коротаихи, чернозобая доходит до берега океана. По-видимому, гагары ревниво охраняют свои владения и в места гнездования не допускают других гагар. Даже на сравнительно больших озёрах — около 1/2 версты дли-

нюю и сажен 100 шириной, представляющих особенно благоприятные условия для гнездования по глубине у берегов и густым зарослям осоки и камыша, я не встречал двух гнёзд. В гнёздах бывает 2 тёмно-коричневых с чёрными крапинками яйца. Гнездо устроено очень примитивно и дно его часто совершенно мокрое. При тихой погоде гагаре очень трудно подняться с воды; она должна сделать большой разбег, причём хлопает по воде крыльями, как колёсный пароход, подымая тучу брызг; но против более или менее сильного ветра она подымается очень легко.

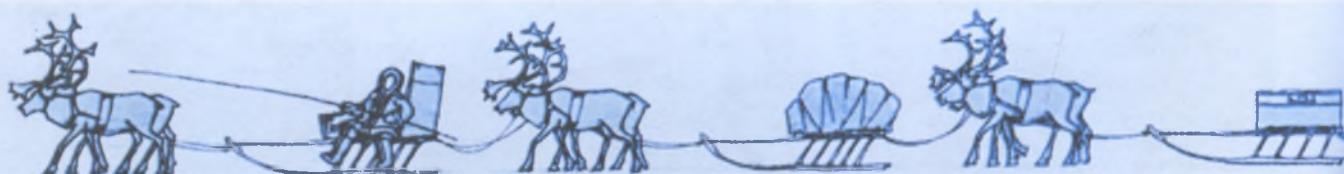
Из мелких куличков, в изобилии водящихся в тундре, придавал особенное очарование всем озеркам плавунчик (круглоносый. — **Н. Вехов**). Эта грациозная, необычайно изящная на воде и очень доверчивая птичка подпускала к себе так близко, что являлась полная возможность любоваться ею. Плавунчик очень широко распространён в тундре. Потомство у него многочисленное: мы встречали до пятнадцати птичек в одном выводке (плодовитость круглоносого плавунчика намного меньше, от 3 до 7 яиц; С. В. Керцелли, видимо, наблюдал стайку, объединившую птенцов из двух-трёх выводков. — **Н. Вехов**).

Пуночки, яйца которых я встречал в июне, жаворонки (рогатый. — **Н. Вехов**), коньки (краснозобый. — **Н. Вехов**), широко распространённые в тундре, много способствуют её оживлению, в изобилии насыпая заросли берёзок и ив».

Интересны наблюдения С. В. Керцелли за млекопитающими.

Белые олени считаются священными у самоедов

Грузовой караван — большой аргиш

Полярная сова

«Пеструшки (лемминги; в Большеземельской тундре обитают обской и копытный лемминги. — **Н. Вехов**) наводнили тундр; буквально на каждом шагу под ногами раздавался их ожесточённый писк. Пеструшка отличается весьма воинственным характером, и, как только подойдёшь к ней ближе, она поднимается на задние лапки, становится в боевую позицию и начинает громко не то свистеть, не то шипеть. Собаки наедались ежедневно пеструшками до полного пресыщения».

Вслед за пеструшкой появлялось множество песцов. Почти все норы были заняты. Почти каждую ночь, вернее сказать — во время, соответствующее ночи в южных широтах, раздавался громкий лай песцов. Часто слышался одновременный лай нескольких животных. Некоторое представление о количестве песцов может дать цифра добытых крестоватиков (крестоватик — четырехмесячный (августовский) песец, более норника и менее недопеска, с бурым крестом вдоль хребта иоперек лопаток. — **Н. Вехов**): самоед Дарка-Як осенью (1909 г. — **Н. Вехов**) добыл около 800 шкурок. В лесной части тундры песцовых нор нет... Особенно много нор около реки Коротаихи и севернее её. Около берегов океана их, по-видимому, меньше. Норы песцов расположены в сухих буграх; часто они бывают на склонах оврагов. Издали уже можно заметить, что в бугре есть песцовая нора по высокой и густой траве, покрывающей бугор.

Нора имеет всегда много выходов; в норах старых, служащих много лет, количество выходов очень велико (я насчитывал до 30—40 выходов), и занимают они громадную площадь. В норе обычно бывает 8—12 щенят; нередко бывает больше — до 18; были случаи, что в одной норе ловили до 22 щенят.

Песца нельзя считать оседлым жителем определённого района. Он кочует в самых широких пределах и хотя,

конечно, в известном районе тундры всегда остаётся небольшое число песцов, ибо все не выселяются, но количество их в определённой местности подвержено самым широким колебаниям. К зиме песцы покидают нору и начинают вести самостоятельную жизнь, в это время они разбредаются по всей тундре в поисках за пищей. Добывают их преимущественно пустозёрские самоеды, остающиеся на зиму в значительном числе в тундре. Колывинские самоеды в большинстве выходят на зиму из тундры и ловят песца поэтому занимаются мало. Кроме самоедов, ловят песцов и оседлые жители Адзывы, выходящие для этого на несколько недель в тундру, где они живут безо всякого жилища, довольствуясь для защиты от холода малицией и совиком (традиционная национальная одежда кочевых инородцев. — **Н. Вехов**).

Кроме ловушек, капканов и яду, песцов промышляют ещё следующим способом.

Компания в 30—40 человек охотников, частью на лыжах, частью на олених, оцепляет большой участок тундры и, медленно сближаясь, сгоняет в кругок всех, мышковавших в охваченном районе песцов. Согнанных песцов стреляют. Искусство охотника состоит в том, чтобы соответствующими маневрами не давать песцам прорываться цепь сближающихся промышленников. Мне говорили промышленники, что изобилие песцов и большой опыта участников этот способ охоты бывает весьма добычливым.

Кроме песцов, в тундре из более крупных млекопитающих пришлось встретить зайцев, лисиц и волков. Зайцы в более значительных количествах

держатся в лесной зоне, но за границей лесов они по речкам в зарослях ивняка заходят далеко к северу.

Лисицы за границей лесов встречаются в очень небольшом количестве, да и в лесной области их очень немногие; оседлые жители по Адзыве добывают лисиц так мало, что далеко не каждый дом насчитывает в числе охотничьих трофеев за целый год лисью шкуру. Случаи, что один двор добудет 3—4 лисицы за год, бывают лишь при особой удаче. Черно-бурые лисицы представляют собою большую редкость, так, например, Фёдор Канев в высокой Харутавом за 15 лет непрерывной охоты добыл только одну шкуру такой лисицы.

Редки в посещённой нами части тундры и волки. Хотя здесь летом очень много оленей, а заросли ив и скалы Пай-Хоя могли бы дать волкам уловляториальный приют, их во всей этой области ничтожное количество. Севернее 2-ой Неадеты (приток р. Роговой, юг Большеземельской тундры, около 30 км к северу от урочища Пымвашор. — **Н. Вехов**) мы ни разу не видели волчьих следов и не слышали от оленеводов о случаях нападения их на стада. Между тем, восточнее волки распространены далеко дальше к северу, доходя изредка до Карской губы.

Медведи попадаются к северу от реки Усы (эта река протекает по восточной и юго-восточной границам тундры, в основном в области лесотундры и крайней северной тайги. — **Н. Вехов**) очень редко. Лет 15—20 тому назад (1880—1890-е гг. — **Н. Вехов**) они водились здесь, хотя в небольшом количестве, но постоянно, теперь же здесь встречаются только случайно зашедшие из

Тундровой песец в зимней одежде

Тундровой волк

более южных местностей. По-видимому, это объясняется тем, что местные редкие леса не дают медведю надёжного убежища. Кроме того, благодаря мерзлоте, ограничены места, где возможно устроить тёплую берлогу.

Мне пришлось раз видеть в тундре росомаху несколько севернее «Медвежьего острова» (примерно 30 с лишним км к северу от урочища Пымвашор. — **Н. Вехов**). По словам оленеводов, росомахи очень редко, но встречаются по всей тундре; плодятся же они только в лесной полосе».

С. В. Керцелли — один из тех, кто в тонкостях изучил быт и занятия ино-родцев-кочевников. «В тундре и летом, и зимой ездят на санях. Несколько саней, идущих цугом так, что упряжки задних саней привязаны к задку передних саней, называется «аргишем», и такой аргиш, состоящий летом из 4 — 6 саней, ведётся одним человеком.

В передние сани, на которых сидит ведущий аргиш человек, запрягают летом не менее 5 оленей и до 7 в одну шеренгу; к спинке этих саней привязывают недоуздки следующей упряжки, к задку вторых саней привязывают недоуздки упряжки третьих саней и так дальше. Во всех санях, составляющих аргиш, запрягают обыкновенно по 3 оленя и грузу кладут на сани 7—8 пудов.

Движется подобный оленный обоз страшно медленно — средняя скорость движения не превышает $2\frac{1}{2}$ — 3 версты в час. Я шёл всю дорогу пешком, что было нелегко, принимая во внимание болотисто-кочковатый характер тундры и довольно большое снаряжение на мне: ружьё, патронташ, сумки для растений, копалка, коробочки для насекомых, сетки для дичи и т. п. мелочи. Обычно я не уходил очень далеко от обоза и по дороге часто коллекционировал, частью охотился, что делалось не из-за спортивных интересов, а из-

за необходимости иметь пищу. Добычей мне служили главным образом моряки. Кроме уток, нередко попадались и белые куропатки.

Двигались в день обычно часов 6 — 10, иногда даже 12. Для стоянки выбирали по возможности возвышенное сухое место.

Однообразие нашего путешествия прерывалось только переправами через речки, которые редко обходились без приключений. Крутым событием путешествия была переправа через реку Коротаиху, переправлялись весь день через неё. Груженые сани перевозили на лодке. Те сани, груз которых не мог пострадать от воды (саны с частями чума, с бочонками, ездовые), перевозятся вплавь с запряжёнными оленями, которые вообще удивительно хорошо плавают.

Красивое зрелище представляла переправа оленьего стада, которое долго топталось на берегу, не решаясь войти в воду. Наконец, два-три олена вошли в воду и поплыли, тогда вся масса двухтысячного стада сплошным потоком бросилась в воду и поплыла; быстрое течение Коротаихи выгнуло всё стадо пологой, громадной дугой.

Всякий оленевод — кочевник, и при том кочевник, почти непрерывно переходящий с места на место. Зиму оленеводы проводят или в лесах Печорского уезда, или на Урале; весьма немногие из них остаются в тундре, и это исключительно самоеды — преимущественно мелкие оленеводы. Зыряне-оленеводы и часть самоедов (все владельцы крупных стад, из колвинских самоедов) уходят на зиму в леса.

Колвинские самоеды также разбредаются зимой по разным волостям. При выборе места руководствуются знакомством с известной местностью, близостью селений, где можно возобновить запасы провизии (чай, сахар, масло,

хлеб и т. п.); желающие быть зимой оленей на мясо стараются подойти поближе к Ижме, чтобы облегчить себе доставку туш и т. п.

Самоеды, зимующие в тундре, держатся берегов речек в южных частях тундры, где встречаются ещё ивы, годы на дрова, или подходят к краю лесов, держась последних лесных островов.

С приближением весны все оленеводы постепенно начинают подвигаться к Усе, которую переходят по льду около середины марта. Оленеводы идут каждый своей определённой дорогой, и у каждого есть определённые точки для входа в тундру. Оленеводы с Урала входят в тундру преимущественно около селения Болбани, и, во всяком случае, не заходят к западу дальше Адзывы. Зимующие в лесах Печорского уезда входят в тундру около р. Адзывы и селений Колвы, Усть-Уся и Новика. Пустозёрские оленеводы идут с запада на восток, входя в тундру около сел. Оксино, Пустозёрска и др. Обдорские оленеводы, идя берегом океана, входят в тундру с востока и редко заходят на много западнее р. Кары; впереди двигаются мелкие оленеводы, сзади следуют крупные».

Одно из главных событий года в жизни оленеводов-кочевников — весенний отёл. Пастухи делают остановку на несколько дней в определённых местах, ожидая прибавления поголовья животных. «С окончанием отёла оленеводы быстро трогаются к северу. После перехода Усы оленеводы оставляют в селениях оседлых жителей зимние юкки и берут летние; у некоторых есть для лета и сани более лёгкие, более тонкие».

В тундре оленеводы идут всегда одинаковыми и теми же путями. Лето проводят из года в год на старых местах; меняют район кочёвок оленеводы крайне неохотно — под влиянием особо уважительных причин. Берег океана занят самоедами; зырян по самому берегу очень и очень немного. Береговая полоса считается самой лучшей, хотя она имеет неудобство от отсутствия топлива: нет кругом ни берёзки, ни ивняку и только плавник даёт топливо для несложной кулинарии туземца, но зато здесь много трав и ягеля, так что олени хорошо выпасаются и жиреют».

Такие кочевья с олеными стадами оказывались под силу лишь владельцам крупного поголовья оленей. Мелкие же собственники, имеющие по 30 — 150 голов, зимой живут в тундре, занимаясь охотой, а летом отдают своих оленей для выпаса крупным оленеводам, а сами же селятся около рыбных озёр, занимаясь тут рыбной ловлей, охотой на уток и гусей и ловлей пescov-cрестоватиков. На местах летований оленеводы проводят время лишь до конца июля, после чего трогаются в обратный путь, чтобы поспеть к заботам телят.

На месте гибели самолета

Давно хотел побывать на месте посадки немецкого «Юнкера», подбитого при налете на наш городок на берегу Белого моря. Ходили слухи будто бы какой то охотник, наткнувшись случайно на него, видел там в кабине скелет летчика.

А кого, кроме охотника, могло занести за много десятков километров в глухую тайгу и топкие болота?.. Давно это было — почти полвека назад! Конечно, нашли его «черные копатели», сверху все видно, вывезли вертолетом ... Желание найти этот самолет заставило меня двинуться в путь. Да и что для охотника 100 верст?

И вот позади сутки пути, ночевка у костра с собаками под боком, вкусный ужин из добывшегося рябчика и утром снова в пути...

Собаки изредка появляются и снова пропадают — засиделись за лето!

Лето в этом году жаркое — болота высохли. Места пошли глухие, следов человека никаких... И вот после очередного осмотра в бинокль — вижу блеск дюраля. Сзади раздается азартный лай собаки. Вот уж не вовремя — ножки-то не казенные.

На сосне сидит тетерев-косач... Потихонечку скрадываю его... Выстрел! Карелка у добычи.

Подхожу к остаткам «Юнкера»... Странное чувство овладело мною... Как будто вчера это было! Какова судьба летчиков? Погибли или нет! Что они испытывали, когда летели со смертоносным грузом бомбить чужой город и видели сверху изумительную красоту тысяч озер страны Калевали!

Пора обратно! Надо успеть вернуться к месту ночевки.

А самолет остается лежать... и только непуганые птицы смотрят на него сверху, да любопытная росомаха, следы которой впечатались во влажную почву, будет наведываться для проверки своих владений...

А. КОЛОБОВ

Увеличить численность черных бобров

В. ГРЕВЦЕВ, ВНИИОЗ им. проф. Б.М. Житкова

Естественная окраска волосяного покрова пушных охотничьих животных относится к числу важнейших товарных свойств. Среди них темно окрашенные экземпляры в практике мировой пушной торговли всегда котировались по более высокой цене. В звероводстве также отдаётся предпочтение темно окрашенным особям. Шкурки бобров черного окраса после соболя и выдры искони занимают лидирующее место в пушной торговле России. Черные бобры имеют общий интенсивно черный окрас, с богатым люстром, переливающимся на солнце, как серебро (Лавров, 1948).

Изделия из меха бобра черного окраса в совокупности с другими товарными качествами шкурок, такими как металлический блеск, пышность волосяного покрова, большая площадь и значительная носкость, определяемая в 85 % (от эталона прочности меха выдры, равной 100%) во все времена пользуются среди населения повышенным спросом.

В природных условиях окрас шкурок бобра чрезвычайно изменчив: от бурого различных оттенков до чисто черного. Установить какие-либо закономерности в наследовании окраса стало возможным лишь при массовом отлове бобров целыми семьями, содержании и разведении их в неволе с анализом передачи окраса потомству (Хлебович, 1938). Анализируя наследственность окраски животных, этот автор установил закономерность, по которой у черных родителей бывает только черное потомство, а у бурых бобрят могут быть только бурыми или бурыми и черными. Было также установлено, что черный окрас является рецессивным признаком, бурый — доминантным. Л.С. Лавров (1948; 1969), работая над вопросами наследственности окраса, установил наличие промежуточного доминирования: в результате скрещивания двух крайних гомозиготных форм (бурого с черным) в первом поколении рождается темно-бурое потомство, отличающееся всеми типичными свойствами гетерозиготов. В результате опытных работ были установлены три цветовые вариации окраса меха у бобров: доминантная гомозиготная светло-бурая, гетерозиготная темно-бурая и рецессивная гомозиготная черная. Черные бобры в наследовании окраса не могут быть гетерозиготными, вот почему у черных по окрасу бобров никогда не может быть в потомстве бурых бобрят. Используя выявленную закономерность, Воронежский госзаповедник систематически уделял особое

значение селекционному отбору черных животных по созданию более ценного поголовья при расселении зверей как внутри своих угодий, так и при поставке племенного поголовья в другие регионы страны. Результаты селекционного отбора по увеличению поголовья черного окраса в природе дали положительное начало. При анализе 120 отловленных бобров в 1932 г. бурых оказалось 55,8%, черных — 44,2% (Хлебович, 1938). В последующие годы доля черных бобров в этой аборигенной популяции увеличивалась. По данным Л.С. Лаврова (1956), процент черных взрослых зверей, отловленных за 1935—36 гг., составил 43,5; за 1937—41 гг. — 48,4; за 1944—49 гг. — 42,5; за 1950—54 гг. — 7,1%. На отдельных водоемах в процессе селекции в природе доля черных зверей увеличилась с 49,9 до 75,9% (Барабаш-Никифоров и др., 1961). Еще больший интерес представляют сведения по увеличению зверей черного окраса в других местах интродукции, по которым проводился систематический сбор материала по окрасу зверей (или шкурок). Наглядным примером может служить окрас бобров в республике Марий-Эл. Доля черных бобров в момент их интродукции в 1947 г. составляла всего 22 %. При отлове для расселения за 1954—60 гг. этот показатель увеличился до 33,6 %, а в 1961—70 гг. он достиг 41,0 %. Анализ добытых шкурок в республике Чувашии составил: черных — 9 %, темно-бурых — 45 и светло-бурых — 46 %. Заслуживает внимание то, что среди исходного поголовья, выпущенного в этом участке, черных особей вообще не было (Григорьев, Михайлов, 1975). Среди бурых бобров Низменного Заволжья довольно высокий процент (38—45) составляют гетерозиготы темно-бурого окраса, которые в своей наследственной потенции содержат черный окрас и дают расщепление по классической формуле Менделея 1:2:1 (Лавров, 1969). При их скрещивании в 25% случаев появляются черные бобры, в 50 — темно-бурые и 25 случаях — светло-бурые гомозиготы, не дающие расщепления. В воронежской популяции доля меланистов достигла 60 %, и она оказалась лучшей племенной базой в нашей стране. К тому же признак черного окраса оказался генетически связан с количественным признаком — более крупными размерами тела животного, а следовательно и большей площадью шкурки (Лавров, 1969).

Поэтому преимущественное расселение черных бобров и создание новых природных очагов зверей этой расцвет-

ки представлялось специалистам более перспективным. Подтверждением тому является опыт интродукции в 1937—39 гг. племенных черных бобров на р. Хопер и на притоках Печоры, а позже на р. Кемь (1959) в Красноярском крае. Поэтому Воронежский, Хоперский и Печоро-Ильчский заповедники предлагалось объявить племенными резерватами для снабжения черными бобрами зверосовхозов и промысловых хозяйств вольного боброводства (Лавров, 1969). Однако Саратовской и Тамбовской охотнадзорами в 1964—65 гг. в очаг черных бобров в бассейне Хопра (численность меланистов в то время составляла 1100—1300 особей) были интродуцированы бурые белорусские бобры. Таким образом, популяция черных бобров была поставлена под угрозу постепенного засорения: в 1976 г. на р. Хопре в Волгоградской области был пойман первый бурый бобр (Кузнецова, 1979). За всю историю восстановления численности и ареала бобра в России в публикациях и в устных сообщениях не поступало критических замечаний в адрес авторов — сторонников предпочтения интродукции в природе бобров черного окраса.

Кратко, насколько возможно, рассмотрим сведения о «злобности» бобров черного окраса. Л.С. Лавров (1948), исследуя вопрос о мутационном происхождении меланизма как полезного признака в отборе за существование, в качестве доказательства сослался на их численное увеличение на охранной территории заповедника. При этом он отметил: «Не случаен и тот факт, который сразу подметили работники фермы, что самыми дикими и злыми зверями почти всегда бывают черные бобры». Высказывая свое предположение относительно происхождения бурых тонов в окрасе, этот автор также отметил, что светлоокрашенные бобры считаются модификациями, произошедшими от выцветания меха. «Особенно наглядно это можно было наблюдать на некоторых бурых бобрах опытной фермы, часто выскакивающих из домиков среди дня и просиживающих часами в купальне у воды. Такие дикие и злые звери обычно бывают самые светлые, с явным выцветанием не только ости, но и подпушки». Из этого следует, что словосочетание «дикие и злые» относится как к черным, так и к бурным бобрам. В программе по совершенствованию селекционной работы и выведению одомашненного бобра с повышенными качествами хозяйственных признаков сказано, что при создании элитной группы черных бобров, увели-

чении размеров и веса тела, при отборе особей с хорошей приручаемостью и спокойным нравом противопоставлений в поведении бобров разного окраса нет. Позже Л.С. Лавров (1969) обратил внимание на неадекватное поведение бобров, независимо от окраса, при их отлове и содержании в неволе. По поведению он разделил зверей на три группы. Первая, наиболее многочисленная, им описана так: почувствовав, что из клетки им не выбраться, впадают в крайне угнетенное состояние, лежат сутками не шевелявшись в течение нескольких дней, обычно не притрагиваются к кормам. Вторую, отчетливо выраженную, группу (около 10–15 %) составляют бобры, которые ведут себя, наоборот, очень агрессивно (независимо от окраса), бросаясь на каждого, подходящего к клетке, человека. При этом они разбивают себе в кровь носы, ломают о сетку зубы и ранят хвосты. Такие звери совершенно непригодны не только для фермы, но и для длительного содержания. Их следует быстрее выпустить в природные условия. Третья группа составляет около 5 % от общего количества диких бобров. Ее особи резко отличаются спокойным поведением и добродушным нравом. За 5-летний период живого отлова, временной передержки на базах и расселения бобров (90 голов) как мне, так и членам бригад не приходилось регистрировать фактов проявления особой агрессивности со стороны особей черного окраса».

За многолетний период изучения бобра в Кировской области мне не приходилось встречать вредоносной деятельности этих животных, не считая единственного случая устройства бобрами нор в насыпи ж/д моста через р. Вятку у г. Котельнича в необычно высокий весенний паводок. Однако отметим, что к 90-м гг. в области насчитывалось около 22 тыс. бобров в 6,7 тыс. поселениях (Гревцев, 1989). Из этого количества свыше 50% составляли прудовые поселения, в которых бобры сооружают каскады плотин, поддерживая водный баланс лесных водоемов. Особенно велика биоценотическая роль бобровых прудов в периодически повторяющиеся засушливые годы. К тому же ежегодно в области охотники добывают свыше 4 тыс. бобров на шкурку, среди них более 40 % черного окраса. В республике Коми постоянно численность бобра удерживается на уровне 7–8 тыс. особей.

Кратко остановимся на преимуществах, которые бобры-меланисты приобрели в процессе эволюции. С этой целью проследим филогенетический путь формирования рода *Castor* в Евразии. Первоначальной родиной рода *Castor* были области с теплым климатом. Процессы адаптации представителей этого рода к жизни в условиях

замерзающих водоемов стали развиваться со временем нижнего плиоцена при начавшемся изменении климата в сторону похолодания. Речной бобр, как гидрофильный вид и занимающий интразональные биотопы, в послеледниковые, используя запас экологической (физиологической) пластичности, расселился из Средиземноморья, Малой и Центральной Азии далеко к Северу в зону смешанных лесов, а впоследствии проник в Скандинавию, Северный Урал и бассейн Лены (Верещагин, Громов, 1974; 1977). Черный окрас меха бобра генетически связан с количественным признаком — более крупными размерами тела. Разница средних показателей веса животных колеблется в пределах от 100 до 400 г (при $t=2,6$), а самки черного окраса старше 3-х лет отличались от бурых самок более высокими (при $t=6,7$) показателями обхвата груди (Лавров, 1948; 1981). Автор этих публикаций пришел к выводу, что указанные различия между черными и бурыми бобрами подтверждают более древнее происхождение бурых бобров, переживших ледниковые катастрофы. Черные же бобры, появившиеся значительно позже мутационным путем, обладают качествами, имеющими вторичное происхождение и направленными на повышение воспроизводства вида в новых условиях, сложившихся в конце четвертичного периода. Особенно эта закономерность проявилась при интродукции воронежских черных бобров на пределе северного ареала вида в бассейне Печоры. Вес взрослых особей составила 23,7 кг против 17,99 от исходной материнской популяции. Бобры этого бассейна намного превосходят своих предков, причем во всех случаях разница в весе статистически достоверна с вероятностью практически в 100% (Язан, 1972).

Адаптация млекопитающих через увеличение размеров тела и потемнение окраса с продвижением на север достаточно широко освещена в специальной литературе. Географические вариации окраса — внешнее отражение определенных приспособительных особенностей обмена веществ жизнедеятельности организма в тех или иных климатических условиях, а также уровня окислительных процессов. Внешние, климатические, экзогенные факторы предъявляют определенные требования к организму, в результате чего естественным отбором создается конституционный, наиболее приспособительный к ним тип организации животных (Дементьев, Ларионов, 1944).

Наиболее подробно изучены закономерности географической изменчивости грызунов Палеарктики, обитающих в более холодном климате и особенно популяции околоводных видов, тесно связанных с водной средой. Эта группа животных имеет большую среднюю

величину особей и меньшие индексы выступающих частей тела, им присуща относительно меньшая поверхность теплопотери, что соответствует правилу Бергмана, правилу Аллена и правилу гидро-бионтическому (Пантелеев, Терехина, 1980). Авторы полагают, что эти три правила есть проявление общего закона поверхности теплопотери, осуществление на по-пуляционном уровне теплообменного гомеостаза. Применительно к бобру особое значение имеет правило гидробионтическое. Вследствие того, что градиент теплопроводности воды в 25 раз выше, чем воздуха, это правило даже перекрывает правило Бергмана, что убедительно отражено в исследованиях Ю.П. Язана (1972) на примере печорских бобров черного окраса. Общетеоретические разработки по приспособительному характеру окраски млекопитающих находят свое подтверждение в экспериментах. Например, с целью выяснения воздействия температуры окружающей среды на окраску меха проф. Н.А. Ильин удалял волосы на небольшом участке шкурки туловища у горностаевого кролика, окрашенного в белый цвет с черными пятнами на хвосте, ушах, концах лап и морде. Вскоре на месте удаленных волос вырастали новые, причем у особей, содержащихся при низкой температуре, вновь выросшие волосы имели темную окраску, тогда как у особей, содержащихся в помещении с высокой температурой, они были чисто белого цвета (Кузнецова, 1952).

Содержание проф. П.А. Мандейфелем светлых соболей в холодном помещении во время осенней линьки сопровождалось общим потемнением их окраса. Подобные примеры можно продолжать и далее. В практике товароведения пушно-мехового сырья известно, что шкурки темно окрашенных зверей, поступающие из более холодных районов, отличаются интенсивно темным, мягким и пышным волосяным покровом. Географическая изменчивость окраса животных привлекала многих исследователей. В частности, по этому вопросу С.В. Кириков (1966) отмечает, что в тех областях, где тот или иной вид не был истреблен, различные цветовые морфы, известные в историческое время, сохранились до наших дней. При определенных целенаправленных условиях желаемую морфу окраса можно увеличить. Этот вывод успешно был подтвержден в Воронежском заповеднике селекционной работой на примере бобра черного окраса. Бобров черного окраса, на принуждение которых в советский период затрачены немалые средства и усилия энтузиастов ученых и практиков, в наше время, наряду с соболем, следует относить к национальному достоянию как стратегически возобновляемому биоресурсу России.

Уважаемые авторы!

Ваши статьи должны быть напечатаны на компьютере или машинке. Просим указывать свой почтовый и электронный адреса, контактный телефон. Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Лось. Подготовка собаки к охоте на лося. Азы охоты

В. ЗАСЕДАТЕЛЕВ

Из всех существующих пород охотничьих собак наиболее подходят для охоты по лосю лайки и гончие.

Для этой охоты стараются отобрать высокорослых (не ниже 60 см) лаек, выносливых, с широким поиском. Высокорослые собаки могут продуктивно работать при снежном покрове в 40 см, что соответствует средней глубине снежного покрова в средней полосе РФ, т.е. примерно весь охотничий сезон.

Если охотник хочет целенаправленно завести собаку, работающую по лосю, то надо, чтобы ее родители были зверовыми собаками, работниками именно по лосю, могли бы при работе в одиночку держаться за зверем не менее 3—4-х часов. Щенок от таких родителей с большой долей вероятности пойдет за лосем. Хотя этого зверя не боятся и облавляют почти все собаки, но настоящими лосятниками, которые будут надежно работать по лосю, становятся немногие.

Обычно щенки с 6—7 месяцев начинают облавливать лося с различным азартом и вязкостью. Лучше, чтобы темперамент собаки соответствовал уравновешенно-спокойному типу.

Натаску собаки лучше всего начинать в возрасте одного года и желательно в сентябре. Поскольку у лосей гон, то бык не боится собаки, мало передвигается, защищая корову, да и лосенок-сеголеток еще слаб и не уйдет от собаки далеко. Натаска идет особенно успешно, если собаке приходится работать по подранку. Во время такой охоты выявляются все основные качества будущей лосятницы — поиск (глубина и ширина), его осмысленность в дальнейшем, слух, обоняние, зрение, определяется наклонность собаки к пользованию чутьем — верхочут или следовик. Выявляется метод работы собаки по найденному зверю. В основном их два.

Первый классический — это не азартная работа собаки-одиночки по найденному зверю с расстояния не менее 15 м без каких-либо выпадов в сторону зверя, вялая, длительная, но очень эффективная при первом обнаружении лося, в особенности в местах, соседствующих с проживанием человека. Такая работа не пугает лося пока он не обнаружил охотника, а если же он причинял человека или будет случайно стронут, то такая собака быстро остановить его не сможет, и исход охоты зависит от вязкости собаки, возраста и пола зверя, выносливости, опытно-

Лосиха в тревоге

Фото В. Петухова

сти. Подавляющее большинство собак работает классическим методом.

Второй не классический — это работа собаки, а лучше пары, которая при обнаружении зверя яростным облавлением его страгивают, и лось пытается

уйти на большой скорости и далеко. Собаки, забегая вперед, пытаются в прыжке схватить за морду или шею, особенно когда он сбрасывает скорость, стараются помешать его движению, злобно работая с головы. Такая

манера быстро вымывает зверя, он замедляет движение, останавливается для отдыха, залезает в крепкие места и отбивается передними ногами. Ни разу не приходилось видеть, чтобы лось лягдался, как лошадь, хотя имею собаку, которая всю жизнь пыталась хватать лося за задние ноги, и, как правило, угоняла его очень далеко, пока зверь не вымотается и не встанет окончательно. Такая работа крайне нежелательна, хотя и эффективна. Если с первого страгивания охотник не перехватит зверя, то собаки, работающие вторым методом, относительно быстро и надежно гналивают и ставят зверя, но, к сожалению, таких собак очень мало.

При работе собак обоими методами есть один важный сходный элемент — это работа с постоянным забеганием с головы. Поработав два, особенно в одиночку, умная собака осваивает не только метод наиболее эффективный для постановки зверя, но и вежливость в облавлении и особенно вязкость. Считаю хорошей собакой по лосю ту, которая работает не менее 5-ти часов, а отлично работающей — до убоя или хотя бы до утра следующих суток. Такие вязкие собаки очень добычливы.

Большое значение имеет способность собаки ориентироваться в лесу при возвращении после длительной вымывающей работы к месту ее напуска. Собаки с широким и глубоким поиском обычно хорошо ориентируются в лесу и, возвращаясь, срезают петли гонного следа, уверенно и быстрее других собак выходят к месту напуска, к машине, привалу, избушке и т.д. Желательно со зверовой собакой побывать в каком-то определенном месте перед охотой, оставив там какую-то вещь: рубаху, подстилку и т.д., или хотя бы лапник, на котором сидели. Если у охотника нет возможности остаться на ночь или искать ночью собаку, обязательно оставьте подстилку и еду — хлеб, сухари. Стоит один раз дождаться хозяина на подстилке или на месте напуска, в дальнейшем собака осваивает этот прием. Случается всякое: у кобелей бывают отлучки в ближайшие деревни, где есть пустующие сушки. И если крепкому, нестарому кобелю отмахать 30—40 км не составляет труда, то уставшей собаке приходится возвращаться издалека, из неизвестных мест. Самое страшное, когда собаке приходится пересекать автомобильные дороги. Из моей практики достоверно установлено, что затрудняет возвращение ушедших за лосем даже никогда не блудивших собак в условиях тайги или сплошных лесов внезапная метель, очень сильный многочасовой снегопад, сильный многочасовой дождь с ветром, в некоторых случаях они не возвращаются вообще. У нас пропали две собаки. Одну мы нашли на 13-ые сутки абсолютно случайно, сделав крюк в 140 км. Лось уходил из Московской обл. в Тверскую в

сторону Завидово. Этую собаку (ей уже было 11 лет), обездвиженную и обледеневшую на лесной дороге, случайно обнаружил молодой человек и сообщил нам (на ошейнике был номер телефона). Изумлению не было предела. По прямой собака была на расстоянии 25—30 км, но фактически прошла 50—60 км. И если бы не доброта молодого человека, затаившего обледеневшую собаку в салон автомобиля, то собака несомненно погибла бы.

В настоящее время развитие техники дало в руки охотникам спутниковый навигатор, который позволяет отслеживать ход собаки и находить ее даже, если она уходит за пределы видимости прибора (максимальная дальность 8 км на ровной поверхности). Прибор дает возможность возобновить отслеживание от точки последнего контакта с собакой, определить скорость и направление хода зверя, а если преследуемый зверь — подранок, определить место остановки. Прибор очень удобен для отбора подросших молодых собак (от 6 мес. до 1 года), когда определяется один из основных элементов работы — поиск, стоит ли ее держать вообще — тратить время и деньги. При покупке взрослой рабочей собаки проверить в незнакомом лесу все заявляемые продавцом рабочие качества и установить истинную ценность собаки. Этот прибор особенно полезен при проведении испытаний и состязаний по вольному зверю, он дает возможность провести такие мероприятия в нормальные сроки и практически без судейских ошибок.

Практическая дальность прибора:
— густой захламленный лес с небольшими неровностями ≈ 4 км;
— холмистая местность ≈ 1,5—2,5 км;
— овражистая местность ≈ 0,5—1,5 км.

Прибор облегчает добычу зверя на 90 %, т.к. позволяет практически не терять его, срезать значительные расстояния при преследовании. Практически исключается потеря собаки — куда бы она ни пошла, прибор покажет ее местонахождение.

Завершая описание своего практического опыта, хочу поделиться интересным фактом по работе собаки в одиночку по лосю. В 1985 г. мне посчастливилось взять трехмесячного щенка (самого мелкого из помета и задержавшегося) у известного лаечника и редкого охотника Н.П. Константинова. У меня в это время было два огромных зверовых кобеля ЗСЛ, один ростом 65 см, второй — 68. Они использовались только по кабану, норке, куница. Лось для них не существовал вообще. Щенка я завел только для работы по мелочи. В 4,5 мес. впервые взял щенка со взрослыми кобелями в лес буквально на окраине города. Щенок азартно залаял, к нему присоединились взрослые, но на несколько минут. Оказалась лосиха с лосенком. Взрослые псы сами подошли ко мне, а щенок захлебывался от азарта. С 19

вечера до 1 ночи я пытался снять щенка, но попытки не увенчались успехом. Забрав взрослых, ушел домой, думал, догонит. Бесполезно. Утром в 8 часов нашел щенка в овраге на входе в город. Поскольку один из взрослых кобелей позднее был застрелен на медвежьей охоте, пришлося Дружка, так звали щенка, использовать и на кабаньей охоте. Но если раньше кабана он находил лося, а поиск у него был изумительный, то мы бросали его, и он приходил домой или к месту запуска утром или в обед следующего дня. Ростом он был с натягом 58 см, но невероятно прыгучим, выносливым и пластичным. Его прыжки и движения напоминали кошачьи. По лосю работал только с головы, очень плотно, практически в упор. Если не было свободного пространства, то просто облавлял, никогда не стоял на месте, перемещался то влево, то вправо. Бык пытался продолжать движение. Вскидывался на задние ноги, а передние попеременно выбрасывал вперед, пытаясь попасть в собаку. Сила удара такова, что однажды лось перебил березку, которую и топором сразу не срубишь. Места таких встреч с Дружком напоминали место боя двух быков: сломанные кусты, выбитая земля, утоптанная, местами взрыхленная поляна. Видел редкостную картину. Дружок два раза проходил под брюхом у лося, ему просто было некуда деваться, оба раза я дико кричал, чтобы зверь резко сдернулся. Малейший промах грозил псу смертью, быки буквально бесновались, пытались втоптать собаку в землю, но погиб он от пироплазмоза, добычей за две недели до смерти своего первого и последнего лося на одном из островов р. Волги.

Азы охоты

Охотиться на лося с собакой или парой собак лучше всего вдвоем, максимум втроем. Такая бригада подвижна, мобильна и легко управляема. Желательно наличие радиостанции или мобильников (если есть зона покрытия).

Хотелось бы начать с мер безопасности.

При ходовой охоте вдвоем или втроем обязательно должны быть отработаны четкие, строго обязательные правила подхода к поставленному зверю, условные сигналы жестами, правила производства выстрела.

1. Подход должен осуществляться одновременно с одной стороны в видимости друг друга.

2. При выборе момента выстрела перемещаться в сторону зверя с линии видимости товарища далее 10 шагов категорически нельзя, если при этом видимость напарника теряется.

3. По возможности выстрел по зверю должен производить лучший из стрелков, о чем договариваются заранее.

4. При потере товарища из видимости вблизи зверя худшему стрелку сле-

дует прекратить передвижение к поставленному зверю. Сесть немедленно на корточки, желательно у дерева и ждать появления товарища либо его выстрела. Самому производить выстрел только в том случае, если в этот момент зверь выйдет на вас, четко просматривается траектория полета пули. Зверь находится на одном уровне с вами, стрелять только сидя.

5. При охоте втроем два наихудших стрелка никогда не расходятся с пределов видимости друг друга при преследовании зверя, а при подходе к облавляемому зверю держатся на расстоянии не более 50 м, никогда не теряют из видимости друг друга, а при необходимости сближаются вплотную.

6. После выстрела, если зверь не добыт — подранок либо промах, участники охоты сходятся и принимают решение по плану дальнейшей охоты.

7. Особые меры безопасности принимаются участниками охоты при отстреле теленка-сеголетка, т.к. вероятность поражения при этом человека резко увеличивается.

8. Ходовой охотой с собаками на лося должны заниматься охотники, имеющие опыт, одинаковую физическую подготовку, ранее занимавшиеся охотой с собаками.

Охота на лося может производиться по чернотропу или по белой тропе. В обоих случаях проводится предварительная разведка, особенно в незнакомой или малознакомой местности. Та-

кая разведка опытными охотниками составляет 80 % успеха. В первую очередь обследуют болота, низины, поймы рек, осинники, подросты или посадки сосны, ивняки, вырубки, заросшие гари, молодой березняк и т.д. По склонам вершинок молодняка или поеди коры упавших осин, следам, помету, наличию лосиных мух определяют места кормежек.

Затем по большому кругу делают обход мест свежих кормежек и при этом отмечают заходные и выходные следы. Нередко в процессе разведки и определения мест кормежки приходится натыкаться на лосиные лежки. В местах, богатых кормом, лоси часто ложатся рядом с предыдущими лежками, это говорит о том, что зверь может быть рядом.

Особо отмечают места и направления наиболее натоптанных троп и основные направления входа и выхода. И лоси, и кабаны имеют предпочтительные направления, которыми пользуются при уходе от опасности. Лось, в отличие от кабана, пользуется в первую очередь направлением ветра или тока воздуха и упорно двигается при опасности против ветра или под небольшим углом к потоку воздуха. К сожалению, далеко не всегда в месте, где облавляемый зверь обнаружен, направление верхового ветра (что определяется по верхушкам деревьев) в данный момент не совпадает с направлением тока воздуха в нижней части

леса. Если объяснить упрощенно, то воздух течет с более высоких точек в более низкие по просекам, тропинкам, местам с низкой растительностью, так же, как текла бы вода.

После предварительной разведки, даже при охоте вдвоем, надо посыпать напарника на места захода зверей в участок, ранее обойденный, а владельцу собаки (желательно) напустить ее в районе наиболее свежей кормежки. Вероятность отстрела зверя значительно возрастает при такой схеме охоты. Надо только не забывать о ветре. При даже очень слабом ветре стрелку у генеральных троп надо занимать позицию слева или справа от них на возможно большем удалении, но в пределах уверенного выстрела. Таким образом, идя против ветра, придерживаясь мест своих заходов, зверь может не учить стрелка.

При наличии одной собаки, работающей по классическому принципу, звери обычно начинают двигаться не сразу (если их до этого не стреляли из под собак), а первые перемещения будут незначительными и не быстрыми, с остановками (это поведение лосей верно только для районов с развитой хозяйственной деятельностью человека). Звери, знакомые с собаками и выстрелами, быстро сориентировавшись в обстановке: оценив собаку, направление ветра, нет ли опасности с наветренной стороны, прислушиваются и только после этого срываются, на боль-

Следы лося в «лосиных» угодьях

Фото А. Севастьянова

шой скорости и на большое расстояние уходят от опасности, особенно материальные быки и молодые лоси. Лоси хи с лосятами уходят на значительно меньшие расстояния в зависимости от возможностей лосенка. Звери, знакомые с человеком и собаками, еще быстрее уходят на очень большие расстояния, и отстрелять их трудно. Собака, работающая по классическому принципу в типе «пастуха» задержать зверя не может, а охота превращается в многочасовое преследование, зависящее также от рельефа местности, наличия снежного покрова, его глубины, вязкости собаки, самих преследователей и т.д., и часто не кончается в день начала охоты. При преследовании зверь останавливается только на небольшие передышки, и чаще, если он не причуял преследующего человека, а к облавлению собакой он постепенно привыкает, но и при такой охоте может уйти не только в другой район, но и в другую область. Перехватить его можно только при знании местности и заезде, либо на снегоходе или машине (если это возможно), а также на лошади. Частота остановок зверя, начальное расстояние его ухода до первой остановки зависит от напуганности зверя, скорости его ухода (галоп, очень быстрая продолжительная рысь). Чем быстрее скорость хода, тем быстрее зверь становится на передышку.

При двух злобных собаках, работающих не классическим способом, зверь останавливается значительно быстрее, т.к., идя от них все время на предельной скорости, довольно быстро устает, останавливается, отбиваясь от собак, старается забиться в чапыгу. Очень любит мелятник, где собаке и пролезть невозможно, не то что работать по зверю. Собаки бегают вокруг, облавливают, и приходится одному из охотников лезть туда и выгонять зверя. С собаками, работающими не классическим способом, особенно с парой, взять лося значительно проще, но таких собак единицы.

В середине 80-х мы с отцом каждую весну по вечерам ездили на тягу. Выезжали сразу после работы, а возвращались домой на последних поездках.

Местечко наше, где мы стояли в ожидании пролета вальдшнепов, было в середине леса, и к нему можно было пройти заросшей лесной дорогой. Она тянулась через весь лес от железнодорожной линии до Волоколамского шоссе. Мы входили в лес со стороны железной дороги и, пройдя чуть более полукилометра, сворачивали вправо к череде полянок и болотин, которые тянулись в линию, отделенные одна от другой

Уходя от собак против ветра или под небольшим углом к нему, лось старается держаться низин, пойм рек и речушек, болот. Может, для сокращения расстояния до большого леса или глухого места, выйти на чистое место, холм, перевал между логами, сопками и довольно быстро пересечь его.

Скрадывание стоящего зверя — очень ответственный момент. Нетерпение и неосторожность могут испортить всю охоту. Начинать скрадывание нужно примерно с 70 — 100 м только с подветренной стороны. При отсутствии ветра ток воздуха все равно может быть. При температуре воздуха ниже +10 °C при скрадывании необходимо выдыхать воздух вверх и смотреть куда его относит, делать это при каждом резком изменении направления подхода. Если температура выше +10 °C, то необходимо иметь в кармане мелкую труху сгнивших деревьев или перетертых сухих листьев и, подбрасывая вверх эту пыль, определять направление тока воздуха. При правильном скрадывании к поставленному лосю подойти легче, чем к кабану. Если зверь обнаружит человека, или после неудачного выстрела (чистый промах) зверь уходит далеко и даже при двух злобных собаках, работающих с головы, зверь становится еще осторожнее и добыть его очень трудно, особенно матерого быка. После таких ошибок в охоте достать зверя вновь часто невозможно и охота бывает сорвана. При неуверенности в попадании лучше зверя пропустить и не стрелять, если большая скорость движения зверя и частый лес, очень короткий просвет, неудобный ракурс и т.д. Лось значительно быстрее останавливается не будучи напуганным.

Лось не крепок на рану, даже незначительное ранение приводит к его гибели. За всю свою охотничью практику ни мне, ни моим товарищам не приходилось видеть у добывших лосей заживших ран или картечку под шкурой или внутри, зверя с тремя ногами. А

вот кабанов было добыто очень много с различными пулевыми и картечными ранениями, с отбитой ногой и т.д., и все они были здоровые и жирные.

При получении раны даже средней тяжести (перебита нога, по животу), когда не задеты жизненно важные органы, при гоньбе собаками зверь может уйти далеко. Вероятно, даже легкие ранения вызывают у лося нагноение, сепсис (общее заражение) и гибель. Подранка, если не в день охоты, то на следующий надо добирать, чтобы не мутился и не пропал даром.

Не думайте, что лось-подранок беспасный зверь. В Рузском р-не Московской обл. производилась охота на лося. Крупный бык вышел к линии стрелков (тогда стреляли внутрь загона) и один из боковых стрелков перебил лосю ногу в районе лопатки. Бык не побежал, а, не меняя направления, вышел в упор на другого стрелка и остановился. Отличный стрелок и очень опытный охотник Юра Бураков (ныне покойный) подошел к быку и навскидку выстрелил ему в голову, отбив часть челюсти, вторым выстрелом промазал. Зверь в шоке замер, а Юра пытался вставить в ружье хотя бы один патрон, но не тут-то было... гильза не вынималась. Лось бросился на охотника. Бураков отбросил ружье и кинулся в лес, развив максимальную скорость, лось — за ним. Понимая, что ему не убежать, Юра забивается под огромную упавшую осину, нависшую над землей, лежа на животе и закрыв голову руками. Все происходило на виду у других номеров и первый подбежавший добил зверя. Так что лось — зверь опасный при доборе подранков, особенно во время гона.

Если вы будете упорным в натаске молодой лайки с хорошим поиском (не менее 800 м) при преследовании и доборе подранков, во что бы то ни стало дожидайтесь возврата собаки, ищите и находите давно ушедшую. То успех вам гарантирован.

Счастливых вам охот!

гой небольшими грядками лесной поросли.

Отстояв положенное, мы включали мощный фонарь, выходили на дорогу и топали к «железке». Там чехлили ружья, переодевались и шли по тропке вдоль линии к платформе.

Однажды выйдя на лесную дорогу со своего места и подсвечивая путь фонарем, мы увидели в противоположном конце просеки от свет другого фонаря. С этого момента, почти каждый раз выходя на дорогу и направляясь к дому, мы видели, как какой-то охотник по этой же дороге, но в противоположную сторону, идет, освещая путь фонариком.

Какая-то теплая волна за-

полняла мою душу. Казалось, что там, вдалеке, с фонариком в руке идет очень близкий человек: человек, переживающий то же, что и мы с отцом, близкий нам по духу, помыслам и отношению к этому звенящему весеннему вечеру.

Так продолжалось года три. Потом мы никогда больше не видели вдалеке на темной лесной дороге отблески фонарика.

А жаль!

И. ШАРОХИН

Уважаемый журнал «Охота и охотничье хозяйство»! Я выписываю ваше издание более 40 лет. Все номера

переплел и у меня собралась целая библиотека. Выписал журнал и на 2011 год.

Мне уже далеко за 70, но еще хожу на зайца, держу русского охотничьего спаниеля, подсадных уток. И не представляю себе жизни без нашего журнала. Охотился в Приморье, поэтому мне было особенно интересно читать Янковского, Кучеренко, Верещагина, Сысоева. Бывал на Сырдарье в тех местах, где Н. Верещагин добывал фазанов. Охотился на гусей и уток на Маныче, в Азовских плавнях в районе Приморско-Ахтарска — а посему с большим удовольствием читаю Игоря Алёхина.

В. ПАРХОМЕНКО
Ростовская обл.

Мастер клинка из Павлово

Александр ГОРДЕЕВ, Москва—Павлово. Фото автора

А еще о Валерии Васильевиче Сафонове уважительно говорят — «Хозяин». Так и обозначено в его визитной карточке, когда он показывает ее при знакомстве, представляя возглавляемое им ООО «Максим» — фирма связана с изготовлением холодного оружия на заказ

Добрым словом отзываются о 50 тысячах ножей, изготовленных мастером Валерием Васильевичем Сафоновым и его умельцами, охотники и рыболовы не только России, но и многих стран мира

...Я приезжал к нему с оказией все-го-то на пару часов. Быстро отыскал в городе Павлово дом 8/22 на улице Маяковского, где еще раз убедился — на-сколько таровата мастерами народных промыслов Нижегородская земля. Первое впечатление оказалось не из ра-дужных: во дворе еще чернели голо-вешки сгоревшей при пожаре мастер-ской. Люди продолжали разбирать за-валы, но была заметна свежая лента бетонного фундамента новостройки. О хозяине говорили с сочувствием, при-поминая, в какой шок повергло его слу-чившееся 25 июня 2004 года, считали, что замыкание электропроводки тут ни при чем. Без рабочего помещения ока-зались слесари, шорники и несколько граверов; там были станки, тиски, го-товые изделия, а также сырье. Офи-циальная комиссия разводила руками, кивая на «неустановленные причины». И только он мог догадываться, чьих рук это дело.

...А хозяина все не было, поэтому первые сведения о нем я узнал от по-жилой женщины, по-мужски отдавав-шей распоряжения строителям. И это

не удивительно: по профессии Кале-рия Семеновна Федорова — инженер-строитель.

— Сафонова знаю мальчишкой. Он везде старался работать, вникая в про-изводство. По профессии педагог — окончил институт физкультуры и пре-подавал ее в школе. Строгим был, но его все хвалили, видя как свой талант и сколько времени отдает детям. Где-то на стыке веков, когда государство из учительства сделало падчерицу, он взялся за фермерство, что, кроме сбо-рщиков налогов, не вызывало восторга ни у директора совхоза, ни на рынках. Вот тогда он и обратился к ремеслу — изготавлению ножей. Тем более, мно-гие из навыков сохранил его отец, по-лучив их от предков. Валерий полюбил это дело. А раз полюбил, то и начал организовывать его.

Долго ли находился в стрессе Вале-рий Васильевич, выяснилось уже в бе-седе с ним, продолжившейся шесть лет спустя. Хорошо, что рядом с пепели-щем были другие постройки. В одной из них на втором этаже уплотнились граверы и шорники, а внизу разверну-лась небольшая мастерская с хорошо отлаженными токарным, фрезерным, шлифовальным и заточным станками. Отрадно, простоя в ООО «Максим» не случилось.

Собирался с рассказом Валерий Васильевич, связывая его с исторически-ми корнями:

— Еще Иван Грозный забирал в Тулу 40 семей оружейников, чтобы создать оружейный центр. То же сделал Петр I — забрал 33 семьи тех, кто мог делать оружие. Главного оружейника звали Никита Павловец.

— Почему людей брали от вас?

— Есть проверенный факт: когда Иван Грозный взял Казань, он возвра-щался Владимирским трактом в Моск-ву и останавливался в селе Зяблико-во. Его стража услышала два выстrelа, царь встревожился: не лазутчики ли? Велел схватить, ведь Казань он брал с применением пороха, шел на нее, заказав через Литву, у мало что подозревавших враждебных немцев, 2000 ружей. Разными путями русские учились готовить свой порох-зельё, зная, что против «огненного боя» та-тарские стрельбы бессильны.

— Откуда у вас самопалы? — спро-спросил стрелявших грозный царь.

— Мы давно в Астрахань на стругах дубовые бочки возим, даже до 40 ве-дер, чтобы одна лошадь свезти могла (Павлово славился бондарным произ-

водством). Возим замки, всякие скобяные изделия и ножи. Город большой, торговый, что Дамаск твой. Кто-то ос-тавался пожить там, знакомился с арабами. Вот от них и притянули «огнен-ный бой». Железо ковать умеем. Что тут особенного — самопалы делать?

Далее Валерий Васильевич вспомнил шведского полковника-инженера Сти-берга, которой писал, что в России было три оружейных центра — Тула, Москва и село Павлово Нижегородской губернии с его кустарными производ-ствами.

...Валерий Васильевич с теплом вспомнил фотографию, где он четырех-летним мальчиком запечатлен с род-ными дедами. Один из них, по мате-ринской линии, резал плашки из вы-варенных телячьих костей для ручек на ножи — был спрос у кустарей-оружей-ников, развернувших производство на водяной мельнице. Многое там приме-чал и перенимал. И он, и сын его Ва-силий, трижды претерпев раскулачи-вание, вынуждены были переехать из села в город. В свои 56 лет отец построил дом, вырыл подвал, поставил там котел водяного отопления и оборудо-вал верстак: стали делать мебель — столы, диваны; кресла. В свои восемь-девять лет Валерий пилил, строгал, шкурил заготовки, занимался резьбой по дереву. И тогда понял: когда ты много знаешь и умеешь, это и кормит тебя.

Как он считает, знание отдельно не способно приносить пользу. Оно про-является себя в сочетании с ремеслом. Как бы тяжело ни доставалось, проходи-ди свою школу выживания. И будет до-статок.

...Учительский труд, откликнулся уни-зительной зарплатой. Как-то шел Са-фонов по булыжной мостовой с заву-ченом школы. Мимо прогрохотал, встяг-нувшись на выбоине, грузовик. На доро-гую упал кусок рессоры. Валерий Ва-сильевич нагнулся и взял его в руки.

— И нужна тебе грязная железка? — подколол попутчик.

— Берусь на спор сделать из нее охотничий нож. Могу даже показать каким образом. За неделю можно се-мь штук одолеть. Вот и деньги...

Слово свое Сафонов держал креп-ко: никто не сомневался, что у него, как «генератора идей», будет своя артель. Валерий Васильевич своего добился. И потому потянулись к нему люди, скучающие по настоящему, осмыслиенно-му труду, не только с умирающими пред-приятий, но и ближних деревень. Вот

тут он и показал, налаживая производственную базу, что и как надо делать. С первой продукции пошла гарантированная зарплата.

— Если бы людям в коллективе было плохо, — рассуждает хозяин-предприниматель, — они бы у меня по 8—10 лет не работали. Во главу производственного процесса, кроме основной специализации, ставлю взаимозаменяемость, помогающую росту их квалификации. Люди пришли, например, из деревни Сенцы. Из города Горбатова, как одна девочка со строчно-вышивальной фабрики, которую я научил кожу выделывать — прекрасной шорнице по чехлам стала.

С художественным оформлением клинков и ножен Сафонова выручают давние связи. Будучи еще в Горьком, когда стипендии без приработка не хватало, прочитал в газете объявление о том, что Дому художников требуются натурщики. Через конкурс прошел, благодаря занятиям гиревым спортом, рельефным мышцам, росту 180 сантиметров и весу 78 килограммов. Четыре года занимался с творческими людьми: позировал от двух до четырех часов, не стесняясь задавать интересующие вопросы. Тут даже заслуженные художники встречались. Поразили рассказы выпускников из Питера, как они пять лет изучали анатомию человека, зверей и птиц. Специально ездил в город на Неве, чтобы убедиться, как знание анатомии позволяет достоверно передать, какая группа мышц, какие сухожилия напряжены, например, у коня, прыгающего через барьера. Его, как натурщика, заставляли поднимать камень и держать, нагнувшись 20 минут. На такую позу уходило с перерывами 2 часа — страшная нагрузка с напряжением 80 мышц, которые художникам прорисовать надо.

Валерий Васильевич возглавляет коллектив в 22 человека, из которых 12 — граверы, люди редкой специальности. К счастью, в Павлове находится единственный в государстве техникум народно-художественных промыслов, выпускник которого почему-то записывают в диплом — «мастер по художественной обработке металла». Сухо, казенно звучит для человека, способного воплотить художественный замысел в миниатюре. Пятерых из них Сафонов регулярно берет на практику, обязательно с красным дипломом, но считает, что одной «корочки» мало, если будущего гравера не «поцеловал Боженька». Разве не интересно развивать в творческом плане будущего мастера?

Не удивительно, что у подчиненных престижнее зарплаты ставить на клинке ножа надпись «Сафонов». Это значит, что они готовят изделия под его личным контролем, по его технологи-

1

2

3

1. Радость для охотника — надежный и красивый подарочный нож

2. Ассортимент готовых ножей

3. Походные охотничьи топоры

ям. Но там стоит шестизначный номер, рядом с которым видна начальная буква фамилии гравера. Значит, индивидуальное мастерство и авторское право сохраняются. В ходе работы хозяин всегда может взять клинок и сказать: «Ира! Ты изобразила на металле кабана на трех ногах. Хоть в двадцатый раз переделывай, но пусть он будет на четырех. Тогда не стыдно будет стукнуть на гарде твой вензелечек».

В мастерской занято четыре гравера по металлу и восемь росписчиков, которые электровыжигательным аппаратом искусно разрисовывают кожу на ножнах. Пусть все видят, какая красота исходит из Павлово — плывет ладья, и дата основания — 1556 год. Нередко пишут на клинке «Павлов-на-Оке». Совсем недавно узнали, что 2000 лет назад на его месте было первое поселение. Вот и считайте, сколько городу лет.

Основа изделий — кованые стали, причем пластинчатые, отчего прочность клинка возрастает на 20—30 процентов. При обработке малым молотом их не взять. Вырывают на авиационном заводе: согласно договору, там из прутка делают пластину. Полученную заготовку фрезеруют по образцу или шаблону, например, вышлифовывают под рыбий — «сазаний нож», который пойдет на крупную рыбу в Астрахань. Получается тонкий клинок, в три миллиметра, но он кованый и это указывают на хвостовике.

— Сталь наша интересная, — рассказывает Валерий Васильевич. — Ее закаливают в вакууме. Охлаждение происходит газом аргон, затем ее опускают в жидккий азот с температурой минус 190 градусов. Таким образом, кри-

огенная обработка обеспечивает ей такое уникальнейшее свойство, как разрыв 2,5 тонны на миллиметр квадратный. Мало того, что она нержавейка — 18 процентов хрома, сталь особо прочная, закаливается до 60—62 единиц. Практически, напильник по ней свистит. Профессиональные охотники проводили эксперимент: без заточки могли ошкурить восемь лосей. Но таких ножей выпускаем мало. Если удастся 100, уже рекорд. А так — 30, ну, 50 ножей. Мы не можем в ущерб качеству гнать количество — тут не уследить. Меньше таких охотничих ножей — себестоимость выше, больше — то и пониже будет.

От мастера Сафонова я узнал, как идет работа с бивнем мамонта, лучшего из материалов для рукояток ножей, откуда его берут, какова его цена. Но доступнее и роднее такие материалы, как, например, вяз, обладающий красивой текстурой. Он не колется, может лишь легонько щепиться. При стандарте 8, влажность выжимают до 4 процентов и тут же пропитывают кипящим льняным маслом. После обработки обладает и легкостью, и высокой прочностью.

Потребителю нужен не только нож охотничий, но и топор как в лесу, в походе, так и дома. На выпуск идут топоры сувенирные, с гравировкой, с чехлом, а также ежедневного пользования. Не умаляя достоинств ни тех, ни других, Сафонов пишет в паспорте: «Гарантия на изделие не ограничена при правильной эксплуатации».

...И все же долгим получается путь клинка из Павлово до тех, кому он так необходим. После термообработки его тщательно полируют алмазной пастой

с мощностью зерна 1 микрон. Тем самым клинку придают свойство «два в одном» — им можно побриться и посмотреть в него как в зеркало. Кстати, из такой стали делают зеркала для космических станций. Любая из жидкостей на ее поверхности не держится.

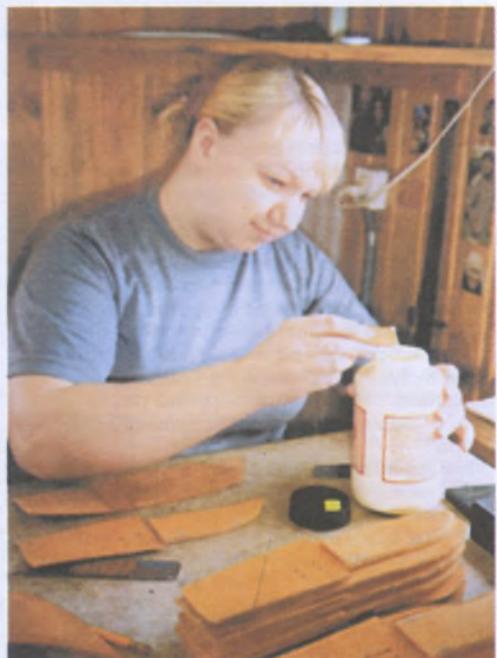
Отлаженный технологический процесс — это не ягодки, а цветочки по сравнению с тем, как Сафонов пробивал производство еще до выхода «Закона об оружии» в середине 90-х годов. Чтобы добиться разрешения, снова и снова шел лабиринтами бюрократии. Часто задерживали мастера, докапывались до всего, что вздумается, в каких только отделениях милиции он не побывал. Частично помогало распоряжение вице-губернатора Немцова, действующее на территории Нижегородской области, но не дающее права торговли за ее пределами. Но справедливость восторжествовала.

Лучшим из мастеров Валерий Васильевич назвал гравера Михаила Лобанова, который пришел к нему осваивать ремесло в 16 лет. Служил в армии, вернулся обратно. Вот его-то и «поцеловал Боженька», хотя он не мог дочуться в техникуме народно-художественных промыслов. В ту пору Сафонов еще не звал «краснодипломников», был рад любому, кто пришел бы на помощь, чтобы работал промысел.

Может, и сейчас у хозяина трудится, заслуживший репутацию многостаночника, тихий с виду парень, работавший после ПТУ токарем на авиационном заводе Алексей Антоновский. Прямо сказал, что зарплата в 500 рублей его не устраивала. Сафонов не скрыл, что у него техничка получает втройке больше на уборке стружек, мытье полов и

Высокий профессионализм отличает художников-граверов Елену Казакову и Наталью Фокееву

Ножны и футляры клинков из Павлово — дело рук шорника Валентины Белячковой

предложил сначала проявить себя в деле. Не торгуясь, парень перепробовал все станки. И все ему было интересно. Просматривался профессиональный подход: что на токарном, фрезерном, шлифовальном станках, вытачивал, строгал, полировал с аккуратностью. То же с травлением кислотой. На трудные операции не жалел времени, а потом управлялся с ними намного быстрее и качественнее. Потом Сафонов доверил ему координатный станок. Ценнее ценного то, что парень смело подходил к нему с чём-то новым. И хозяин был доволен: при всех заботах не семь же пядей у него во лбу? В ООО «Максим» зарплата Алексея выросла многократно. Многие из его учеников, оборудовав скромные цеха по месту жительства — ближних деревнях и селах, выполняют заказы ООО «Максим», поддерживая уникальный художественный промысел.

А как ведут себя заказчики? Сделали для генерала кортик — глаза загорелись, вертил его в руках и говорит, что выпускать из рук не хочется. И денег нет. Сафонов в ответ, мол, заберите, частями отдадите, когда деньги будут. Он-то видит — человек армейский. Только для него на заказ и делали, с гравировкой, инициалами. Да и кисть руки шириной 14 сантиметров — старый кортик рукой наполовину влезает. Знает мастер, какое холодное оружие выпускают на заводах для военных в массовом порядке. Кто там для клинка будет сталь выбирать, а для рукоятки лосиный рог примерять? Там главное — дешевле и побольше, чтобы всем хватило.

Всеми специальностями владеет Олег Вадимович — на то он и заместитель директора ООО «Максим» по производству

Заказчик встречается разный. Кто-то является со своими пожеланиями. С ним терпеливо, по два-три часа, смотрят образцы в альбомах и каталогах, подбирают растительные и другие орнаменты на клинок и ножны, облюбовывают нужную гравюру из «зверушек» или птиц. Клиент понимает, почему за желанный охотничий нож устанавливают такую-то цену. Человек, осуществляя мечту, получает через мастера счастье.

Другой заказчик амбициозно требует непонятно что. Оно, конечно, можно сделать рукоять кинжала или ножа из зуба кашалота, который нигде не добыть, или «бивня» доисторического носорога. Но цена таких материалов не дешевле алмаза или лунного грунта. Такой клиент, если он торгуется, тут же теряет интерес со стороны мастера, который чтит известный афоризм: «Когда Вы спрашиваете о стоимости яхты, она Вам не нужна».

Встречались и другие, кто тоже в клиенты не годился. «Сделай мне, мастер, японскую катану!» Как сделать? Какой меч, когда он — сабля? У него, у мастера, есть Интернет: кнопку нажал — 29 тысяч документов по холодному оружию! А сколько в них... Тех же катан около 700 видов. Какую надо?

Нередко через сайт делают заказы из-за рубежа, но Сафонову милее всех родимый рыбак и охотник, которого надо оградить от китайского, испанского, немецкого и другого ширпотреба. Пусть у него будет хоть маленький ножик, хоть грибной, но сделанный качественно — он ничего не весит, не ржавеет, его, с навязочками, нельзя по-

Особая ответственность в изготовлении ножей у главного художника-гравера Михаила Лобанова

терять. А светящаяся рукоятка? Хоть ножи теряй.

Конечно, деньги нужны всем. Сафонову всегда могут дать под честное слово сто и больше тысяч рублей, которые он вернет в считанные дни. Свои же деньги, в доступных пределах, он жертвуя артелям по всей округе, которые плетут корзины, корпят над художественным вязаньем или золотым шитьем, обеспечивая в семьях достаток. Это те же народно-художественные промыслы, которые надо поддерживать и развивать. Ведь до сих пор весь мир на малом бизнесе держится.

Своя позиция у Валерия Васильевича к участию в федеральных и международных выставках. Вспоминает, как в 1995 году Музей Вооруженных Сил совместно с Госстандартом России проводил «Выставку 100-летия «русского нагана». Ножевиков никого не было, поэтому, наряду с экспонатами ведущих оружейников мира, люди увидели в начале экспозиции 18 сафоновских ножей. Там узнал о положении коллег за рубежом. Их окружают почетом, за штучный нож дают цену в 10 тысяч долларов. В свою очередь, представители иностранных фирм удивились, что в России все первоклассные мастера в категории народных промыслов. На следующий год было участие в I-ой Международной выставке, связанной с охотой и рыболовством. Но это был уже бизнес: впервые, 170 долларов стоил квадратный метр выставочной площади, вторых, ножевики навезли «фуфло» и врал им менеджеры «сказкой о плачье голого короля». Проверить бы качество сталей, основу технологий. Но не ехать же на выставку со своими приборами? А вот московская фирма «Южный крест», не стесняясь, скопировала клинки из Павлово-на-Оке. Но обиды со стороны Сафонова не было, сайт технологий у него открытый, уровень профессионализма должен множиться, а вот ездить на выставки перестал.

...На стене висит карта мира. Ну как не всмотреться в нее, утыканную флагами: Австралия, Англия, Бразилия, США, Судан, Исландия, вся Скандинавия... куда прошел павловский клинок.

— Да, — радостно соглашается Валерий Васильевич. — Все документально подтверждено. На несколько стран по три-четыре заказа приходит. И на Северном полюсе, и даже в Антарктиде мои ножи встречаются. Вот полетел как-то к Северному полюсу с парой заказных ножичков знаменитый воздухоплаватель Валентин Ефремов. О павловском клинке отозвался: «В холод за минус 60 только Ваш не лопнул». Получается, при добром деле, в любом месте и при всякой ситуации надежнее спутника не найти.

По жизни мастер идет с выведенной формулой счастья — «Хобби совпадает с работой, и это меня кормит». А его третий из тостов — «За профессионализм!»

Консультации оружеведа Ю. Маслова

Редакция нередко получает от читателей письма просьбой объяснить, почему на ружье стоят клейма разных стран и возможно ли определить, где произведено это ружьё. Ниже мы приводим ответ на письмо Н. Сазонова, присланное из Омска, нашего консультанта Ю.А. Маслова. Из письма видно, какое это не простое дело — установить путь элементов и самого ружья от ствольной заготовки до окончательной сборки. В данном случае этот путь удалось проследить, но, к сожалению, это удается не всегда.

Алексей БЛЮМ

Сазонову Николаю Петровичу

Уважаемый Николай Петрович!

У Вас достаточно распространённый случай совмещённых испытательных клейм, характерный для изделий штучников в конце XIX — начале XX веков. Такие же, «интернациональные», клейма встречаются на ружьях средних и крупных торговцев, имевших при магазинах оружейные мастерские.

Если подходить к вопросу совмещённых клейм в общем плане, то часто затруднительно, а порой невозможно, определить истинного производителя той или иной части или сборщика ружья в целом. Дело в том, что нам неизвестна, за очень редким исключением, система кооперации европейских оружейников в XIX—XX столетиях. И если на стволах или коробке отсутствуют прямые указания на производителя, то, как говорится, и дело с концом.

Однако в вашем, конкретном, случае ответ очевиден, хотя до конца неясен. Ружьё испытано в Париже, а затем направлено в торговую лавку Пауля Мозирса в Бреслау (Германия).

Во Францию же двустволка поступила из Бельгии, где была собрана (вполне возможно, в так называемом белом виде) и отстреляна на льежской испытательной станции. В свою очередь, бельгийская фирма, комплектовавшая ружьё, приобрела стволы в Германии в готовом, собранном виде. Ствольные трубы изготовлены из среднеуглеродистой, не упрочненной дополнительной термообработкой, литой стали под коммерческой маркой Prima-Krupp-Stahl. Эта марка идентична по химическому составу и механическим характеристикам так называемой «плавленой» стали Круппа (Fluss-Stahl Krupp Essen), которую германские оружейники использовали до 1928 года. Следовательно, Ваше ружьё сделано раньше 1928 года, вероятнее всего, до первой мировой войны. Впрочем, бывают исключения из правила, когда производители по каким-либо соображениям (производственным либо финансовым) используют в своём оружии старые заготовки.

Фирма-посредник (на современном языке — дилер), отправившая ружьё в Бреслау — один из трёх соучредителей торгового акционерного общества Etablissements LIEN-CHAPU-CALLENS (Societe Anonyme).

Надписи Ets. LIEN-CHAPU-CALLENS — на правой подушке коробки и PARIS — ROUBAIX — на левой переводятся следующим образом: «Заведения Лянь, Шапю, Калэн в Париже и Рубэ».

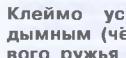
Расшифровка клейм, имеющихся на ружье

Клеймо окончательного испытания готового ружья бездымным порохом марки «Т»

На левой и правой подушках коробки (парижская испытательная станция)

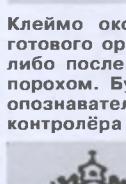
Клеймо усиленного испытания дымным (чёрным) порохом готового ружья

На правой подушке коробки (льежская испытательная станция)

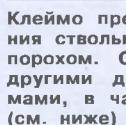
Клеймо добровольного отстрела готового ружья бездымным порохом (P.V. — сокращение от Poudres Vives — бездымный порох)

На правой подушке коробки (льежская испытательная станция)

На правой и левой ствольных трубках (зульская испытательная станция)

Клеймо предварительного испытания ствольного материала чёрным порохом. Ставилось совместно с другими дополнительными клеймами, в частности, с клеймом S (см. ниже)

Дополнительное клеймо, означающее, что каналы стволов гладкие. Литера S — сокращение от слова Schrot — дробь. В большинстве руководств клеймо ошибочно трактуется как цилиндрическая сверловка.

Наш автор – МАМОНОВ Леонид Леонидович

12 июня 2011 года Леониду Леонидовичу Мамонову исполнилось 60 лет. Сотрудничать с редакцией журнала он начал сравнительно недавно, с начала 2000-х г.г., когда впервые принес статью о своем путешествии по Западным Саянам, иллюстрированную прекрасными фотографиями. Позже был еще не один его очерк (фотоочерк) о природе Дальнего Востока, Сибири, Севера, и все это было не понаслышке, ведь на всем протяжении России трудно найти уголок, где бы не побывал Л.Л. Мамонов. Немало статей написано им о различных охотах и о борьбе с браконьерством, которые неизменно вызывали большой читательский интерес.

В прошлом Л. Мамонов был моряком, точнее рыбаком, т.к. по окончании мореходки работал на рыбодобывающих судах Дальнего Востока, что было вполне естественно в связи с тем, что родился и вырос он в Приморском крае. Далее в свои, уже немолодые годы, не постеснялся вновь усесться... за парту и, закончив Всесоюзный сельскохозяйственный институт заочного образования (бывший ВСХИЗО, ныне РГАЗУ), получил профессию биолога-охотоведа. Еще во время обучения в институте Л.Мамонов начал работать в Мособлохуправлении в должностях районного охотоведа по Воскресенскому району, затем возглавлял отдел охотовнадзора там же. После ликвидации в 2005 году Мособлохуправления он был переведен в Россельхознадзор на должность начальника межрайонного отдела. В настоящее время в связи с тем, что все функции по охоте переданы из Минсельхоза в Росприроднадзор, работает в Департаменте Росприроднадзора по Центральному федеральному округу. Более 20-ти лет Л. Мамонов занимается своим любимым делом — охраной Природы, и делает это на высоком профессиональном уровне, о чем свидетельствуют многочисленные благодарности и почетные грамоты. Недавно ему присвоено звание «Ветеран труда».

Леонид Леонидович — страстный охотник. Родившись в семье военного, он рано познакомился с огнестрельным оружием и научился метко стрелять из него. Начинал свои охоты, как

впрочем и многие другие охотники, с охот по перу, но вскоре перешел на более серьезные, зверевые охоты с лайками. Трофей для него хотя и имеет немаловажное значение, не стоит во главе угла. Главное в охоте — возможность побывать наедине с первозданной Природой, а радость от удачно проведенной охоты, от меткого выстрела, от великолепного трофея — лишь дополняет это. В поисках глухих уголков, которых еще не коснулась цивилизация, а также в поисках разнообразных трофеев Леонид Леонидович объездил практически всю территорию бывшего СССР и территорию нынешней России. Особенно привлекало его родное Приморье. Несколько раз ходил он тропами любимого писателя и путешественника В.К. Арсеньева. Сплавлялся по рекам, переваливал через Сихотэ-Алинь, выходил к Японскому морю. Охотился на изюбров, ловил хариусов и ленков в говорливых речках и всегда фотографировал. В охоте Л. Мамонова привлекает еще и то, что на этом поприще имеется возможность пообщаться с великими охотниками и такими же ве-

ликими людьми. Ему, как он сам считает, посчастливилось несколько лет общаться с Валерием Юрьевичем Янковским, ездить к нему в гости во Владимир, состоять в тесной переписке, Валерий Юрьевич, делая дарственные надписи на книгах, писал: « Дорогому другу и личному биографу...» В архиве Л. Мамонова имеются интересные материалы и фотографии всей семьи Янковских, проживающих во Владимире. Несколько встреч в Хабаровске с Сергеем Петровичем Кучеренко также оставили в его памяти неизгладимый след. Подобных встреч с большими охотниками было множество. После них остались уникальные материалы и фотографии, которые, вкупе с экспедиционными заметками, а также и фотографиями, просто просились в свет, отсюда и возникло желание писать для читателя.

Так пожелаем же юбиляру здоровья, творческих успехов и плодотворного сотрудничества с журналом. Ждем от него новых статей и фотоочерков.

Коллектив редакции журнала «Охота и охотничье хозяйство»

ФОТОКОНКУРС
Редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство»
проводит очередной Фотоконкурс под девизом
«Охота и природа»
Подробная информация о Фотоконкурсе – в № 1 за 2011 г.

«Охота и охотничье хозяйство»: страницы истории

Дела охотников России

А. КОРОЛЬКОВ, председатель правления Росохотрыболовсоюза

Важной вехой деятельности Росохотрыболовсоюза явится 5-й съезд. Съезд подведет итоги работы за 1969—1972 гг. и наметит задачи на ближайшие четыре года.

Каковы же итоги работы обществ охотников и рыболовов России между четвертым и пятым съездами?

Это итоги напряженного труда полуторамиллионной армии охотников и рыболовов, объединенных в 33 тыс. первичных коллективов, работников 5200 охотниче-рыболовных хозяйств, 40 промышленных и 500 торговых предприятий. Это, наконец, итоги работы более десяти тысяч членов советов, правлений обществ и ревизионных комиссий.

За период между четвертым и пятым съездами сделан новый шаг вперед по пути организационно-хозяйственного и финансового укрепления системы Росохотрыболовсоюза. На ведение охотниче-рыболовных хозяйств и в спортивные мероприятия вложено 27,2 млн. руб., значительно увеличен объем биотехнических мероприятий, возросло трудовое участие членов обществ в ведении своих хозяйств и, как конечный результат, в большинстве закрепленных за обществами угодьях увеличилась численность диких животных.

Вместе с тем в организационной структуре системы существенных изменений не произошло.

Количество охотниче-рыболовных хозяйств и занимаемая ими площадь практически стабилизировались. Количество воспроизводственных участков увеличилось и вместе с заказчиками общая площадь зон покоя составляет 14,2 млн. га, т. е. 10,2 % по отношению к закрепленным угодьям. Следовательно, зоны покоя достигли уровня, установленного решением четвертого съезда.

Важный показатель работы того или иного охотничьего хозяйства — количество дичи, на которую можно охотиться. В деле увеличения численности охотничьих животных огромная роль принадлежит биотехнике. Как же обстоит дело с проведением биотехнических, по своему значению природоохранных, мероприятий в целом по системе?

Плановые задания по проведению основных мероприятий выполнены с превышением показателей пятилетнего плана, установленных на 1972 г., объем их по сравнению с 1968 г. значительно возрос. Количество солонцов увеличилось в 1,6 раза, искусственных гнезд — почти в 3 раза, скормлено сена

и зернофураж — в 1,9, а корнеплодов — в 3 раза больше, чем в 1968 г. На расселение диких животных затрачено 358 тыс. руб. вместо 282 тыс. руб. за 1965—1968 гг. Чтобы больше расселять диких животных, организованы воспроизводство и отлов их в специально созданных для этой цели хозяйствствах.

Для правильного ведения охотничьего хозяйства необходим систематический учет диких животных. Но некоторые общества проводили эту работу недостаточно хорошо. Учет проведен на площади 116 млн. га, что на одну треть больше, чем в 1968 г. Полученные данные свидетельствуют, что в период между 1968 и 1972 г. среднегодовой прирост численности животных составил: кабанов — 22,5%; оленей — 13,5; лосей — 10,1; зайцев — 5,8 и косуль — 5,1%.

Посещаемость охотниче-рыболовных хозяйств достигла в 1971 г. 3 млн. человеко-дней. Однако из-за ограничения охоты и рыбной ловли в 1972 г. сократилась до 2,7 млн. человеко-дней. Число остановочных пунктов возросло до 1797, а спальных мест до 27 665. Одновременно увеличилось и число арендуемых остановочных пунктов и охотничьих избушек.

Несколько слов об экономике охотниче-рыболовных хозяйств.

За четырехлетие получено 14,7 млн. руб. доходов, а расходы на содержание хозяйств составили 23,6 млн. руб. За счет промышленных предприятий и других источников охотниче-рыболовное хозяйство получило 8,9 млн. руб. дотации. Однако около 30 млн. га закрепленных охотничьих угодий, главным образом в Сибири и на Дальнем Востоке, не охраняются — нет средств на их освоение.

В общей сумме доходов доходы от охотниче-рыболовных хозяйств составляют 15%, в то время как расходы — 40 %. Так как доходы очень малы, а расходы велики, то себестоимость одного охотниче-рыболовного дня весьма впечатльна. За четырехлетие она составила в среднем 1,17 руб.

За отчетный период члены обществ добыли и сдали государству на 32 млн. руб. пушнины, из них в 1972 г. на 9,3 млн. руб. Хорошо занимались этой важной работой Красноярское, Иркутское, Читинское, Якутское, Калининское, Архангельское, Амурское и Вологодское общества. Тем не менее нам надо резко увеличить добчу и продажу государству пушнины и усилить борьбу с оседанием ее на частном рынке.

На правах контрагентов потребительской кооперации в 1972 г. пушнины за-

готовлено только на 443 тыс. руб., т. е. почти на уровне 1968 г. Число обществ, занимающихся этой работой, в последние годы сокращается. На наш взгляд, здесь играет роль сопротивление, которое оказывают многие работники потребительской кооперации делу контрагентских заготовок пушнины.

Общества провели большую работу по борьбе с браконьерством.

В 1972 г. выявлено 50,5 тыс. нарушителей правил охоты. Почти половина протоколов составлена общественными охотинспекторами, число которых достигло почти 70 тыс., и штатным персоналом обществ.

Среди нарушивших правила охоты 14,5 тыс. членов обществ. Значит, каждый третий-четвертый нарушитель — член общества. С таким позорным явлением надо вести самую решительную борьбу.

В охотниче-рыболовных хозяйствах заметно увеличилось количество егерей. Сейчас их 4882, в том числе 1373 работают на общественных началах. Следует отметить слабую активность егерей ряда обществ. Они составили всего 6276 протоколов, т. е. в среднем каждым егерем менее двух протоколов в год. В Костромском, Астраханском и Пермском обществах на каждого егера приходится в среднем менее одного задержанного браконьера.

Большое значение в деле борьбы с браконьерством, в укреплении дисциплины и авторитета егеря имеет введение форменной одежды для работников охотничьих хозяйств. В течение 1974—1975 гг. форма для егерей будет введена. Расходы на это дело составят около 1,5 млн. руб.

Для культурной охоты большое значение имеет организация охотничьего собаководства. За отчетный период было проведено много межреспубликанских и межобластных состязаний гончих, лаек и борзых. Курсы по подготовке экспертов были организованы в Воронеже, Новосибирске, Ленинграде, Москве. Во Всероссийскую родословно-племенную книгу записано 7110 собак.

Летом 1972 г. в Москве состоялась пятая Всероссийская выставка, которая показала достижения в охотничьем собаководстве и прошла как большой праздник. Экспертизу собак проводили 68 высококвалифицированных экспертов. 33 эксперта из самых различных мест нашей страны прошли стажировку.

Чтобы охотники, особенно молодые, стреляли метко было проведено свыше 6500 соревнований по стрелково-охотничьему спорту. Член нашей сборной команды, заслуженный мастер

спорта СССР Ю.Ф. Цуранов, в соревнованиях на первенство мира, состоявшихся в Италии, завоевал золотую медаль и звание чемпиона мира с абсолютным рекордом — 200 попаданий из 200 возможных.

Во многом помогала успешному решению возложенных на Ресохотрыболовсоюз задач организационно-массовая работа. 88 % общего числа членов нашего Союза объединено в первичные коллективы.

В соответствии с решением четвертого съезда повышена требовательность к вступающим в общество. Их принимают в индивидуальном порядке по письменным рекомендациям двух членов общества, с обязательной сдачей охотничьего минимума, для чего большим тиражом переиздана книга «Охотничий минимум».

По сравнению с 1968 г. в 1972 г. на 40 % больше проведено лекций и бесед, более чем в два раза возросло число выступлений по радио и телевидению.

Особое внимание уделяли работе с молодежью. При правлении Ресохотрыболовсоюза создана комиссия для работы с юными охотниками и рыболовами. Разработана, утверждена и передана всем обществам двухгодичная программа занятий и методические указания к ней. Проведен Всероссийский семинар для обмена опытом работы руководителей секций юных охотников.

Для работников нашей системы организовано свыше 3,8 тыс. семинаров, в том числе 15 — правлением Ресохотрыболовсоюза. По сравнению с 1968 г. их было втрое больше.

Впервые в Российской Федерации организованы курсы для подготовки экспертов по оценке охотничьих трофеев. На курсах учились и получили дипломы первой и второй категории 57 экспертов, среди них 45 работников обществ. Большое внимание уделялось такому важному участку работы, каким является трудовое участие членов общества в ведении своих хозяйств. За четырехлетний период члены обществ отработали 4405 тыс. человеко-дней, или в среднем около трех на каждого человека. Трудовое участие в 1972 г. возросло по сравнению с 1968 г. на 67 %. Конечно, и этого недостаточно, следует больше уделять внимания этому участку работы.

Промышленные предприятия играют положительную роль: они производят нужное нам охотничье-рыболовное снаряжение и вместе с тем являются источником доходов, ежегодно достигающих 7 млн. руб. Эти средства поступают в первую очередь на ведение охотничье-рыболовных хозяйств. Если за четырехлетие после третьего съезда продукции было выпущено на 58,2 млн. руб., то за тот же период после четвертого съезда — на 77,8 млн. руб., или почти на 20 млн. руб. больше. Промышленные предприятия в 1972 г. дали продукции на уровне, предусмотренном пятилетним планом для 1973 г. С по-

мощью Центрального опытно-конструкторского бюро, организованного в 1968 г., предприятия освоили ряд новых изделий, в частности, выпуск 5 видов капканов. В 1971—1972 гг. их изготовлено 600 тыс., а в 1973 г. — 800 тыс.

Экономическая реформа оказала благотворное влияние на работу предприятий. За четыре года, при росте реализации продукции на 34 %, количество работников увеличилось всего на 9 %, а выработка на одного работающего возросла более чем на одну треть.

Несмотря на некоторое улучшение снабжения, наши общества, предприятия и охотхозяйства по-прежнему испытывают острый недостаток в легковых, грузовых и специальных автомобилях, мотоциклах и отдельных видах сырья и оборудования. Особенно острый недостаток ощущается в автомашинках повышенной проходимости.

С ростом масштабов работы и сложности задач нашей системы все более повышаются требования к руководящим кадрам. Надо, чтобы руководитель сочетал в себе идейную убежденность и высокие нравственные качества, партийную принципиальность и непримиримость к недостаткам, широкий кругозор и профессиональную компетентность. Сегодня же мы должны сказать, что положение дел с руководящими кадрами в системе Ресохотрыболовсоюза во многом желает быть лучшим. Прежде всего это выражается в большой текучести кадров. У нас редко практикуют выдвижение на руководящие посты опытных работников районных и областных обществ, а также специалистов с высшим и средним образованием. Мало заботы проявляют о молодых специалистах.

Каковы же результаты хозяйственно-финансовой деятельности системы?

За четырехлетний период получено 99,2 млн. руб. доходов, т. е. на 32,7 млн. руб. больше, чем в 1965—1968 гг. Доходы возросли на 49,2 %. Доминирующее значение имеют доходы от взносов и промышленных предприятий. Удельный вес этих источников в общей сумме составляет около 60 %. В отличие от прошлых лет годовые планы по доходам выполнены почти все общества.

За период между съездами Камчатское, Читинское, Омское, Иркутское, Сахалинское, Архангельское, Амурское, Алтайское, Якутское и Курганское общества увеличили доходы более чем в два раза. Как известно, 1968 г. 11 обществ закончили с убытком на сумму 70,5 тыс. руб., а в 1972 г. не свело концы с концами и получило убыток в 2,3 тыс. руб. только одно Тувинское общество. Таким образом, число убыточных обществ и сумма убытков резко сократились. Это прямой результат положительного воздействия решений четвертого съезда нашего Союза.

За 1969—1972 гг. правление Ресохотрыболовсоюза оказалось финансовой помоющей обществам в виде долгосрочных ссуд на сумму 903 тыс. руб. и дотаций на 289 тыс. руб.

В 1972 г., по сравнению с 1968 г., при росте доходов на 53 % расходы увеличились на 33 %, в том числе на ведение охотничье-рыболовных хозяйств на 40 %, а с учетом привлеченных средств — на 54 %. Таким образом, постановление четвертого съезда об увеличении вложения средств на ведение охотничье-рыболовных хозяйств выполнено не менее чем на 60 %. В конечном счете от хозяйственно-финансовой деятельности получено 39,1 млн. руб. накоплений, что на 19,1 млн. руб., или в два раза больше, чем с 1965 по 1968 г.

Перечисленные цифры красноречиво свидетельствуют о значительном улучшении хозяйственно-финансового состояния наших обществ, им теперь по плечу решать новые, более важные задачи.

Как и в период подготовки к четвертому съезду, наиболее острой критике была подвергнута работа торговой сети за недостатки в продаже охотничьих боеприпасов, особенно гильз, заряженных патронов, а также дроби, пороха, бамбуковых удочек, охотничьих сапог. В настоящее время решен вопрос о передаче фондов на охотничьи ружья и все виды боеприпасов обществам охотников.

Каждый добросовестный охотник — прежде всего друг природы, заботящийся о воспроизводстве животных. Мы должны проводить твердую линию — кто не охраняет и не подкармливает дичь, тот не должен охотиться. «Кто хочет снять урожай — пусть посеет», «кто не сеет — тот не жнет», «взял от природы — отдай сторицей» — это наши боевые девизы. В книге Баэра и Войничке «Забота о ландшафте и охрана природы» очень метко сказано: «Долг ухода за дичью должен быть неотделим от права на охоту».

В короткой статье трудно исчерпать все многообразие задач и наболевших вопросов в деле развития охотничьего хозяйства и спорта.

Было бы непростительно думать, что все вопросы мы решаем правильно, в своей практической работе не допускаем никаких ошибок. Это — вреднейшее заблуждение. У нас много недостатков и нерешенных вопросов. Несмотря на заметное улучшение постановки охотничье-рыболовного хозяйства, все же в целом эта работа не отвечает предъявленным требованиям. Объем биотехнических мероприятий, особенно по освоению пахотных земель и сенокосов, выкладке кормов для зимней подкормки диких животных, крайне недостаточен. Есть и другие недостатки.

Трудностей встретится у нас еще немало. Но мы должны их преодолеть. На нашу долю выпало большое и благодарное дело — следуя указаниям партии множить красоту и богатства нашей замечательной Родины, создавать условия для наилучшего отдыха на охоте миллионам советских людей.

Анатолию Александровичу СЕВАСТЬЯНОВУ – 80 лет

Когда бы меня попросили назвать основную черту характера Анатолия Александровича Севастьянова, которого знаю не один десяток лет, я бы затруднился выделить главную из двух, определяющих его поведение и стиль жизни: добросовестность и скромность. Обе они придают особое обаяние и деловым с ним отношениям, и просто знакомству, вызывающему глубокое уважение как к специалисту-знатоку и душевную симпатию как к человеку. Конечно, нельзя отрицать и воздействие внешних обстоятельств, счастливо формирующих в дальнейшем благотворную среду обитания и общения, но основа натуры все-таки закладывается Судьбой от рождения. От Бога.

Родился Анатолий Александрович в сентябре 1931-го на тверской земле в русской семье, где и отец, и – особенно – дед были страстными охотниками. Как много значит охотничья, близкая окружающей природе обстановка в семье для появившегося в ней мальчишки, если он не лишен любознательности и, следовательно, вызванной ею охотничьей страсти!

Детские годы Анатолия Александровича прошли в поселке «Изоплит» (по названию фабрики, выпускавшей изоляционные плиты), в близком соседстве со знаменитым, бывшим тогда охотничим хозяйством, «Завидово», разговоры взрослых об этом «эльдорадо» были на слуху у мальчика. А для того, чтобы учиться в старших классах, нужно было ходить за семь километров в Редкино (есть такая железнодорожная станция на подступах к областному центру, Твери – тогда городу Калинину).

Но, если говорить о Севастьянове как об охотнике, надо сказать, что его первый трофей, который, как известно, играет большую роль в охотничьей судьбе – кряковой селезень – был добыт еще на тринадцатом году жизни под «Изоплитом». Добычу в голодные военные годы по достоинству оценила в первую очередь хозяйка-мать, и юный охотник получил право пользования отцовским ружьем.

Время возвращения домой после школы в Редкине затягивалось, когда на семикилометровом пути будущему биологу встречалось что-то такое, мимо чего равнодушно пройти было нельзя. Так маршруты в разные времена года между «Изоплитом» и Редкиным стали первой школой приобщения к природе будущего биолога-охотоведа.

Эта «школа», более важная, пожалуй, чем официальная десятилетка, позвала продолжить образование на факультете охотоведения Московского пушно-мехового института.

Анатолий Александрович – писатель, охотовед, фотожурналист

Но – не вдруг после получения аттестата зрелости. Нелегкими были и первые послевоенные годы, и выпускнику редкинской средней школы пришлось поработать год подручным машиниста паровозика-«кукушки», подвозившего железнодорожной магистрали платформы с торфом от лесных разработок. И это, конечно же, тоже была школа – школа взросления и становления характера.

МПМИ Анатолий Александрович закончил в 1956 году. Биолог-охотовед Севастьянов работал в различных охотничьих организациях и природоохранных заведениях: в Тюменской госохотинспекции, руководил Костромским заказником, изучал медведей как старший научный сотрудник Кроноцкого заповедника на Камчатке, заведовал охотничим хозяйством Генштаба на Мещере... Но литературной общественности и читателям нашего журнала Севастьянов известен не только как специалист-профессионал, но и как писатель, автор нескольких книг и мн

гих журнальных публикаций. И я уверен, что его творческая судьба затрагивает их не меньше, чем биография специалиста-биолога. Как это случается в жизни – тому можно привести ряд примеров, – любовь к природе и близость к ней нередко сочетается с любовью к слову, с литературным дарованием. Обладая и тем, и другим, Анатолий Александрович потянулся к перу. И здесь ему несказанно повезло: он познакомился с замечательным писателем Виталием Бианки, ездил к нему, занимался у него в семинаре, которые писатель организовывал время от времени, собирая на них начинающих авторов. Не каждому, знающему с детских лет книги знаменитого Бианки, известно, должно быть, что писатель глубоко интересовался, как заложенное природой дарование превращается в литературное произведение, как рождаются рассказы, как их писать. На своих «семинарах» он обсуждал это со своими учениками-слушателями. Для литератора Севастьянова эти немногие

встречи тоже были школой, сказавшейся потом при написании им собственных произведений. Первая его книжка с двойным названием («Охотничье детство» и «Лесной отшельник») вышла в Ярославле в 1960 году, затем то же Верхневолжское издательство выпустило повесть «Дикий Урман» (1966), а в 1980-м «Молодая Гвардия» издала, после публикации в журнале «Наши Современники», повесть «Мой знакомый медведь», не раз переиздававшуюся, в том числе и в Чехословакии. Вышла и детская книжка «Лесные происшествия» в Детгизе (1990 г.). В 2002 году был создан объемистый сборник, куда вошли повести «Мой знакомый медведь», «Зимовье на Тигровой» и «Дикий Урман».

Все книги Анатолия Севастьянова были с интересом, тепло встречены читателями и одобрены профессиональной критикой. В 1983 году он был принят в Союз писателей.

Много лет назад от творческого

дарования Анатолия Севастьянова ответвилось увлечение фотографией, — той настоящей, художественной фотографией, каждый отпечаток которой является собою произведение искусства. Любой охотник с ружьем и фотоаппаратом знает насколько труднее, чем заполучить трофеи от выстрела, сделать натуральный, «живой» снимок. Благодаря мастерству и терпению фотохудожнику Анатолию Севастьянову удалось создать уникальные по своей достоверности фотоочерки из жизни природы, сопровождая их лаконичными, интересными, правдивыми текстами.

Большая часть жизни Анатолия Александровича так или иначе связана с нашим журналом: то в качестве автора публикуемых в нем материалов, его прозы и фотографий, то в составе редакции, в которой он с перерывами, возвращаясь к работе по институтской своей специальности, был редактором, ответсекре-

тарем, заместителем главного редактора. А, выйдя на пенсию, и сейчас продолжает работать вне штата, по договорам.

Сделано немало. Однако итоги подбивать рано. Старость приходит к людям по-разному. Иные, достигнув своего «потолка» и потеряв интерес к жизни, становятся стариаками в пятьдесят и тускло доживают отведенные судьбой годы. Человек, пока жив и в силах, должен стараться постигать новое и продолжать духовно расти.

Анатолий Александрович Севастьянов полон творческих намерений, жизненной энергии. В год его восемидесятилетия мы желаем ему здоровья и неиссякаемого азарта в работе. И удачи. Остального ему — опыта, профессиональных навыков, таланта — не занимать.

С юбилеем Вас, Анатолий Александрович!

Вадим ЧЕРНЫШЕВ

Многим рано или поздно приходит мысль — заведу собаку. Ребенок от общения с животными становится добре. И гулять хочешь не хочешь, а придется хотя бы два раза в день. Всякие возражения в это время пролетают мимо, как стайка голубей за оконшком, которых замечаешь краем глаза.

И в городской квартире появляется щенок.

Нашего принесли в рокзаке. Совсем недавно он копошился у теплого брюха матери. И вот оказался на паркете в незнакомом месте. Как все карело-финские лайки, он был ярко-рыжей лисьей окраски. Глаз не оторвешь. Как будто живой огонек. Многим собакам этой породы окраска стоила жизни: в лесу охотники принимали их за лисиц.

Больше не завожу собак

Анатолий СЕВАСТЬЯНОВ
Рисунки В. Горячевой

Но мне все равно хотелось завести такого щенка как раз из-за необычной окраски.

Я недавно вернулся с Камчатки и потому кличу щенку дал по названию вулкана — Узон.

Уже плохо помню его первые дни в квартире. То, что случилось потом, почти стерло их в памяти.

Щенок быстро рос. На прогулках я не успевал вертеть головой, чтобы не потерять из виду этот огненный шарик. Он прыгал через скамейки, прошивал на бульваре кусты. Дух захватывало от скорости. Не дай Бог выскочит на дорогу. Но странное дело: он сразу прочно усвоил команду «Стоять!» Как будто споткнется и замрет на месте. Подходи, пристегивай поводок. Правда, эта была единственная команда, которую он выполнял четко.

На субботу и воскресенье мы ездили в деревню. Там небольшая речка с длинным высоким мостом. В половодье неприметная речушка широко разливалась, и нужен был такой высокий мост.

Узон помчался вперед, проскочил на мост, а я пошел к воде. Щенок увидел

меня внизу и, ни секунды на мешкая, прыгнул ко мне с высоченного моста. Я в ужасе крикнул: «Стоять!» Но было поздно. Он шлепнулся на землю, лапки в стороны — и захлебнулся в истощенном визге. Наверное, порвал связки. Лежал, как распластанный лягушонок. Схватил его на руки, понес в дом... Кончилось, едва начавшись, беспечное щенячье детство.

Но мало-помалу Узон стал ходить. Я потихоньку водил его в лес — тренировал лапки. Незнакомые запахи отвлекали щенка от боли. У него вспыхивали глаза, если поблизости вспархивала птица, но к месту, откуда она взлетела, он шел осторожно: не мог еще быстро переставлять лапы.

Однажды раздался азартный лай. Узон тявкал над крохотным зайчиком. Тот вжался в траву и лежал между разстопыренными лапами собаки. Я поднял Узона, русачок шмыгнул в бурьян и пропал. Узон задергался, я отпустил его, и он попытался бежать — быстро заковылял к высокой траве. Дело шло на поправку.

Как-то вечером мы возвращались из леса. Узон осторожно играл с лягу-

шатами, пугал их лапками, заставлял прыгать.

Среди поля стояли два кабана. Они явно видели нас, но не убегали, а только насторожили уши-локаторы. Я поднял Узона — показать настоящих зверей. Говорю возбужденно: "Кабаны! Кабаны!" Направляю на них его лисью мордашку. Но кабаны далеко и стоят неподвижно, да еще в сумерках. Узон сверкает глазами, смотрит поблизости, ищет в траве, наверное, кошку. Держу щенка перед собой, бегу к кабанам. Сейчас они бросятся от меня, и он заметит их в движении. Но те стоят на месте. Невольно сбавляю скорость. До них уже близко. Почему не бегут? Как вросли в землю. Остановился в нерешительности. Теперь хорошо видно — это две кабанихи. Почему не убегают, стоят среди поля?

Наконец одна побежала. И тут из травы, в длинных прыжках, повыскакивали, как горох, кабанята. Узон задергал лапами.

Вторая кабаниха шагнула к нам. Я развернулся и быстро пошел к дороге. Бежать побоялся, как бы не бросилась догонять. Поставил Узона на дорогу. Он крутанулся на месте и бегом за кабанятами. Едва перехватил его. Удивился тогда: "Как забегал!"

Но прошли еще долгие месяцы, пока смог он прыгать через валежины и каваны.

Всей семьей мы переехали из города в охотничье хозяйство. Лес теперь был вокруг Узона. Главным для него стала охота. Белок мог искать целями днями. Слышишь — залаял. Подходишь — тявкает на елку. Чего тявкает? Елка небольшая, насквозь видно. Негде спрятаться белке. Говоришь ему: "Пустобрех ты, Узон. Пойдем отсюда". Не уходит. Начинаешь осматривать каждую веточку. Да вон же кисточки от ушей торчат! Белка за сучком. Потом я привык: зря лаять не будет. Дождется выстрела — и снова искать. А ты ему вовсе не нужен. И не увидишь его, пока не найдет другую белку.

Однажды я приехал на охотбазу и поманил дочку. Она открыла дверцу машины и на переднем сидении увидела шоколадного с серой манишкой щенка. Рядом лежал полуусыпанный им батон. Щенок был не больше этого батона, только потолще. Шоколадную головку склонил набок, ушки висят, тоже шоколадные.

Коли уж мы жили в охотничьем хозяйстве, я решил завести вторую собаку — дратхаара.

Теперь все внимание в семье перешло к этому маленькому существу, покорившему всех красотой и лаской. Щенку дали кличку, но дочь назвала по-своему — Алькой.

Узон вроде бы не ревновал нас к новому щенку. Ему для счастья нужен был только лес. И он у него был.

Алька бегала везде, где хотела: в доме, по широкому двору охотбазы, в лесу. Но ей всегда нужно было видеть кого-нибудь из людей. Одна могла ос-

таваться только на привязи или запертой в комнате.

Всего раз ей сказали: нельзя ходить по вскопанной земле. И она не только сама не ходила — птицам не разрешали. Как-то увидела трясогузок: бегают по цветнику. Тут же начала охоту. Подкралась к трясогузке, сделала стойку, нацелила нос на птичку. Трясогузка побежала. Сделала несколько шагов и Аля. На цветник не заходит. Та снова перебежала...

Так собака ходила до тех пор, пока трясогузки не улетели под крышу, к гнезду. Потом, когда одна из птиц уселилась на яйца, другая подолгу водила Алю. Это стало у них игрой. Задорно пискнув, трясогузка садилась почти под нос собаки, помахивала хвостиком и водила Алю по всему двору.

Если бы поймала трясогузку, ничего бы, конечно, не сделала ей. Бывало, Алька находила птенца-слетка и живого, невредимого бережно клала из пасти в подставленную ладонь. Потом внимательно следила, что будем делать, на какое дерево посадим, не упадет ли опять.

Алька больше всего любила наблюдать, что делают люди. Если я работал за столом, ложилась на свое место, дремала. Но стоило подняться со стула, тут же вставала. Ей надо было видеть, что я взял, куда положил, понюхать стружки от карандаша, посмотреть, куда бросил. Начинал расставлять книжки на полках — садилась рядом и внимательно следила, откуда беру, куда ставлю. Что происходило в ее голове — не знаю, но смотреть, что делают люди, ей доставляло явное удовольствие.

Если вышел из дома, ее не взял, потом обязательно проверит по следам, куда ходил, что делал.

Узон держался от нас подальше, не любил фамильярности. "Улыбался" коротко, когда долго не видел, и все. Аля же всегда хотела быть с кем-нибудь рядом. Дочь часами разукрашивала ее вместо куклы лентами, привязывала бантики. Собака была готова сколько угодно сидеть на месте, поворачивать голову и терпеливо держать ее как надо, только бы с ней занимались.

Она могла даже просто слушать. Ловила каждое слово, явно стараясь поймать. Выслушивала, что сказал, переводила взгляды на другого, кто продолжал разговор, внимательно смотрела в глаза.

Однажды пришел лесничий. Говорим в комнате об отводе сенокоса егерям. Слышишь, кто-то прошел по двору охотбазы.

— Посмотри в окошко, чужих нету? — мельком сказал Альке, а сам ищущий нужную бумагу. Для нас это было само собой разумеющимся, что Аля знала егерей в лицо, а если на дворе появлялся чужой, вздыбливала шерсть на загривке и начинала басовито лаять.

Вижу, мой гость не смотрит на бумагу, а удивленно глядит на Алю. Та, переступая передними лапами по подоконнику, старательно осматривает

двор то с одной стороны перекладины рамы, то с другой, довольная, что ей поручили дело. И уже шерсть вздыбила. Но лаять не пришлось — во дворе ходил егерь.

Лесничий удивленно покачал головой:

— Ну и собака! Все понимает.

Мне и самому казалось — понимает все. Порой задумывался: "А как бы вел себя человек на ее месте, если бы не мог выражать свои мысли не только словами, но и жестами?" Ему пришло бы говорить глазами. Так поступала и Алька. Карие собачьи глаза то смеялись, то печалились, светились надеждой или притухали, когда, например, мы собирались уйти из дома, оставить ее одну.

Но порой и без видимых причин глаза ее были печальны. А как спросить: "Чего грустишь, Аленушка?" Спросить-то можно...

"А что если научить ее отвечать "да" или "нет", — подумал я. — Тогда с ней почти можно будет разговаривать".

Приучил вместо ответа "да" — ложиться. А "нет" — неподвижно стоять на месте. Спросишь: "Гулять пойдешь?" — грох на пол. Потом вскакивает и начинает прыгать. Поводок несет. А спросишь: "Намордник надеть?" — наступится, стоит неподвижно. "На охоту пойдем?" — рухнет так, что пол задрожит.

Но четкого разговора не получалось. Слишком не понятным было ее "нет". То ли стоит, не понимает, о чем спрашивают, то ли это и есть ее собачье "нет"?

Алька очень любила порядок. На полу не должна валяться ни одна бумажка. Обязательно поднимет и будет носить, пока не возьмешь. Если бумажку гоняла кошка, Аля вначале делала стойку, потом отбирала игрушку, отдавала мне и принималась тыкать кошку носом. Та шипела, убегала, но Алька заставляла ее подойти к двери. И кошку приходилось выпускать, иначе не даст ей покоя.

Собака всегда была на глазах, и мы не заметили, как она выросла, превратилась в крупного, сильного дратхаара.

Дочери, чтобы попасть в школу, приходилось около километра идти по лесной дороге до асфальта, а там еще ехать на автобусе. В обед мать встречала ее у автобусной остановки, а утром провожала Алю. Шла с ней по лесной дороге, часто вместе с кошкой, которая тоже любила утренние прогулки. Кошка садилась на дороге, как только кончался лес. Аля шла до автобуса. Ждала, когда захлопнется дверь, и только послы этого возвращалась.

Однажды вернулась с раздутой мордой. Как будто яблоко держала за щекой. В теплые весенние дни на дрожках охотбазы то и дело можно было видеть гадюк. Даже на каменные ступеньки крыльца заползали погреться на солнце.

В том, что Алю укусила именно змея, я убедился очень скоро. Шел по дорожке, Алька бежала рядом. Вдруг останови-

новилась, вскинула голову, внимательно посмотрела на меня, потом вперед. Я ничего не понял, пошел дальше. Аля напряженно вышагивала сбоку. Неожиданно свернула от лежащего на дорожке сучка. Он был очень похож на маленькую змею с поднятой головой. Аля, конечно, видела — это просто сучок, но после того, что случилось, на всякий случай обошла стороной.

Зимой дочь привязывала собак к санкам и каталась. Алька носилась во всю прыть, хотя ошейник давил на горло. Узон тоже бегал, но поводок его всегда провисал дугой. Из-за лени, а может, из-за больных ног, он не хотел тянуть санки. Дочь отцепляла его, и Алька возила одна с еще большей охотой.

Шло время. Дочери нужно было учиться дальше, а в деревенской школе только начальные классы. Пришлось возвращаться из охотхозяйства в город.

Держать в небольшой городской квартире двух собак — дело хлопотное. Стали думать как быть. В том, что Алю берем с собой, никто не сомневался. Решали с Узоном.

“Что лайке делать в городе? Быть живой игрушкой? — убеждал я себя. — Как только за ворота — никто ей не нужен. Подавай лес. Ей же будет лучше, если оставить у егеря. Митя не обидит собаку. И на охоту они уже ходили не раз. Будут добывать пушину...”

Я вспоминал потом и не мог вспомнить, как мы расстались с Узоном.

То ли егерь Митя пришел и забрал его, то ли я отвез на машине. Помню только егерь сказал: “Не беспокойся. Будет жить у меня, пока не помрет своей смертью”. Я хорошо знал Митя и не сомневался — так и будет. А вот как расстались с Узоном — не помню. Видно, не трудным было расставание.

Аля не унывала и в городе. Уже начала седеть морда, а она, как щенок, играла в любую игру, только предложи. Если дочь пряталась в квартире, начинала искать так, что держи телевизор — сбьет со стола.

И не только на радость отзывалось ее доброе сердце. Однажды я заболел. Дома никого, кроме собаки. Видит — мне плохо. Вытянула морду — глазки печальные, встряхивает ушками, поскуливает сочно, как будто и ей больно. Тапок принесла, сунула — “на”. Билетик от автобуса скомканный нашла. Его за усами, под брызгами и не видно. Только “фы”, “фы” говорит: значит есть что-то во рту — возьми. Легла у кровати, вздыхает протяжно, смотрит озабоченно.

Заботиться она могла о ком угодно. Иногда приходилось видеть: дочь сидит с поводком в руке на бульварной скамейке, читает книжку. Али поблизости нету. Оставлять собаку без присмотра опасно: напугает кого-нибудь или попадет под машину. Смотришь, где же собака? А она растопырила передние лапы, опустила голову, свесила уши, стоит и смотрит в траву. Теперь ясно — и под машину не попадет, и никого не напугает. Аля пасет Рыжего. Жил у нас в клетке небольшой хомячок, по кличке Рыжий. Когда дочь брала его на улицу, пускала в траву, Аля считала своим долгом пасти хомяка. Ничего в это время не видела и не слышала, кроме него. Рыжий ел траву, передвигался неторопливо. Аля неотступно ходила над ним, пока дочь не забирала Рыжего на руки. Тогда уж и самой можно побегать.

В конце лета, когда наставало время охоты, Алька едва не рвала поводок, если свистели крылья живущих в городе уток. Даже у маленьких луж на асфальте старалась найти следы дупелей или бекасов.

На сезон охоты я стал отправлять ее к племяннику. Пусть ходит с ним по болотам. Каждую осень приезжал Сергей, и счастливая Алька тянула его скопее из городской квартиры, зубами перехватив поводок.

Куда бы ни падали сбитые утки, доставала из любых крепей. Сергей заметил чирка в зарослях. Сдернул ружье с плеча, выстрелил. Показалось — попал. Но врезанном дробью тростнике не рассмотрел точно. Охотник, который был рядом, уверял:

— Улетел низом.

— Нет, попал, по-моему, — и Сергей заставил Альку искать.

Та долго плывала в густом тростнике, раздвигая его мордой. Плавать тяжело, но она искала, если велели искать.

— Не мучай собаку. Я же хорошо видел — улетел.

— Давай, давай, Аля!

И Аля снова лезла в заросли. Наконец, к изумлению охотника, возвратилась с чирком в пасти.

— Ну вот! — обрадовался Сергей. — А ты говорил.

Он взял в руки маленького чирка. И тут оказалось — не тот чирок. Этот погиб уже несколько дней назад, даже глаза провалились.

— Ай да Аля! — смеялся охотник.

Она сконфуженно смотрела на Сергея, словно хотела сказать: “Ты же прошил. Вот и принесла. Другого нету”.

Охотник остался на берегу, а Сергей на старой плоскодонке уплыл на вечерний пролет в заросли большого карьера.

Утки летали плохо — то в стороне, то высоко. Стрельбы почти не было.

Когда совсем стемнело, охотник услышал неожиданный выстрел в лодке, пронзительный вопль и тяжелый всплеск упавшего в воду тела. “Сережка застрелился! — сразу понял он. — Что делать? Без лодки не доберешься и темно совсем”. Перепугалась, сбежал. Решил молчать: начнут разбираться, ружье отберут, нерегистрированное.

Ночь не спал. А утром встречает Сережку, живого и невредимого.

Даже ноги подкосились. Потом только стал отходить, заулыбался.

Оказалось, когда Сергей с Алей уже собирались глянуть к берегу, из темноты очень низко вылетела утка. Сергей сбил ее навскидку. Она шлепнулась перед носом лодки и тут же нырнула. Это взорвало в Але бурю чувств. Взревела, как она может, и бросилась с лодки. Вода захлестнула вопль. Утку поймала и сразу успокоилась. Но дикий вопль уже слышал охотник и понял его по-своему.

Охота для Али была такой страстью, которой могло подчиниться все, даже собачья верность. В разгар охоты я приехал проводить Альку. Она скакет, прыгает на меня — месяц не видела, соскучилась.

— Домой хочешь? — спрашивала ее. Легла.

Сергей говорит мне:

— Пойдемте в разные стороны, вы к машине, а я к болоту. Посмотрим, за кем она пойдет.

Мы так и сделали, не подумали, каково будет Альке.

Она нерешительно побежала за мной, но Сергей крикнул:

— Аля, на охоту!

Она посмотрела с надеждой на меня, ждала, что я разрешу. Я молчал. Опустила голову, тихонько, как будто ей надо было сходить к канаве, побрала в сторону от нас. Потом помаленьку, помаленьку завернула к Сергею и побежала за ним.

Что-то шевельнулось в груди, но я тут же сказал себе: "Ничего страшного. Умная собака, понимает — до конца охоты осталось немного, а потом опять можно в город..." "Ничего страшного", — повторял я, не давая рasti обиде, которая прорывалась еще и потому, что Аля не просто убегала, а сжалась вся, пригнула голову. Видно было — хорошо понимает, нельзя этого делать. Я старался не сердиться на Альку. Почему она должна вести себя так, как хочется мне? Какое ей дело до идеалов, придуманных для собак людьми? Ей на охоту хочется, а я забиваю голову всякой ерундой. Пускай идет и охотится.

Надо было потрепать ее, подбодрить. Но я не сделал этого...

А вскоре случилось такое, что я и думать забыл про эти обиды.

Брат услышал из дома — взбесилась собака. С храпом и сдавленным ревом волчком завертелась под окнами. Он выскочил на крыльцо и увидел: мечется Алька. А в бочке с водой дергаются Танины ножки в красных ботиночках. Выхватил дочку из воды. Она даже испугаться не успела, не поняла, что случилось.

Оказалось, уронила куклу в бочку. Перегнулась через край достать и нырнула вниз головой. Счастье, что рядом была Алька. Самой из бочки не вытащить, так хоть волпи ее помогли.

Не знаю, болят ли собачьи сердца, но после такого потрясения Аля была, как ватная. В тот день больше лежала в темном углу. Челюсть отвисла, глаза больные. Потом ничего, отлежалась. Но купаться при ней мы уже не могли.

Алька совсем не боялась воды. Ей все равно: обойти пруд или переплыть его. Но стоило мне поплыть — бросалась спасать. Выцарапывала из воды, орала сумашедшим голосом — звала на помощь. Не допускала в своей башке мысли, что я тоже умею плавать. Ходить в воде — пожалуйста, хоть пошо. Но стоило поплыть — сразу в рев и спасать.

Много было приключений с этими собаками, обо всех не расскажешь.

Аля прожила у нас десять лет.

Однажды в мае приехали в деревню. Открыл дверь в дом — шершень гудит. Подождал пока вылетит.

Проходит какое-то время — опять гудит. Пробирается где-то в щелку. Надоело руками закрываться, того гля-

ди ужалит. Поймал момент, прижал шершня рейкой к стене, хотел раздавить. А он крепкий, как желудь. Рейка длинная, пружинит, не могу раздавить. И отпустить страшно: шершень стучит по рейке своим жалом, как стальной иголкой для чистки примуса. Бросил рейку, выскочил из сени. Аля за мной на полусогнутых.

Потом вернулись — нету шершня, пропал.

Ночью Аля попросилась на улицу. Я выпустил ее, остановился послушать, как гремят соловьи. Но комары быстро загнали в дом. Прилег, пока собака попросится, поцарапает в дверь...

Утром проснулся и не сразу вспомнил об Альке. Потом подумал: "Наверное, под терраской от комаров спряталась".

Вышел... Как приятно дышать прохладным воздухом майского утра. Между ветлинами, на краю поля, у самого города токут тетеревы. Не хочет расставаться с весной. Я повернул голову и вижу: возле угла террасы, как палки вытянув лапы, неподвижно лежит на боку Аля.

Кинулся к ней и тут же остановился. Понял — мертва... Да, она была мертвой.

Потом в доме, у порога, нашел раскрученного пополам шершня. Аля поймала его, но он успел ужалить ее в пасть возле горла. Наверное, ужаленное место стало пухнуть и собака попросилась на улицу. Не хватало воздуха.

Я даже сквозь стены слышал, как гремели в ту ночь соловьи. А Альку под этот соловийный грай, одну, на земле, душила смерть...

Мы похоронили ее на поляне, где она, шалея от радости, любила бегать среди желтых бубенцов цветущих купальниц.

Прошел уже не один год. Случалось даже, побываешь в деревне и не вспомнишь об Альке... А уж про Узона, что и говорить, столько лет прошло.

Но вот недавно в охотхозяйство, где я когда-то работал, съездил по делам знакомый охотовед. Спрашивал его, как там Митя поживает, егеря? И вдруг узнаю в разговоре — живет у Мити как-то дряхлая рыжая собака.

— Я никогда таких старых не видел, — с удивлением говорил охотовед. — Сидит, по-моему ничего не видит и глухая, как пень. Говорю егерю: "Что же вы собаку мучаете? Пристрелите". "Нет!" — с сердцем так отвечает. — Пусть живет, пока не помрет сам".

Я понял — жив еще Узон.

В первый же выходной взял билет на автобус дальнего следования, поехал в охотхозяйство. Уже и не помню, сколько лет там не был. Вначале боялся съездить — узнает Узон. Как его снова бросать? А потом, когда считал, что Узона нету, все отдалилось, не тянуло уже в старые места.

"Сколько же Узону? — гадал я в дороге. — Наверное, больше пятнадцати лет?"

Да, это был Узон, хотя и не похож на

ту стройную, поджарую лайку. Мутные, невидящие глаза, седая морда, толстая прямая спина, из которой лезли клочья шерсти. Эта шерсть набилась в траву по краям пятна голой земли у конуры.

Узон сидел. Я позвал его. Он не шевельнулся. Подошел к нему вплотную. Узон зачмокал ртом, с трудом встал и заводил головой. Не видел меня. А я стоял рядом. Протянул к нему руку. Он понюхал ее — узнал! Затолкал сухим носом в ладонь, издал старческий не то стон, не то взлай. Я гладил его, прижимал к ноге. Он стоял неподвижно, и я уже не понимал, узнал он меня или так же вел бы себя с любым другим человеком.

Митя уверял, что узнал.

Оказалось, в первые дни после нашего отъезда Узон как всегда с азартом искал белок. Но потом забеспокоился, с надеждой смотрел на каждую машину, которая приезжала в деревню. Ждал. Прошло еще несколько дней и в лесу от него не стало толку. Ему было не до охоты. Убегал на охотбазу, но там жили теперь чужие люди. Искал в лесу — не находил.

Возвращался к Мите. Тот посадил его на цепь. Надеялся: подождет, подождет — и забудет. Привыкнет, опять начнет искать белок.

Но привык не Узон, а Митя. Привык к тому, что собака не переставала ждать.

Чего ждал Узон? Что было такого, ради чего он отказался от всего? Не знаю. Невозможно поверить, что вольный Узон, которому, казалось, нужен только лес, загрустил с первых дней и навсегда.

"Мало ли что сказал Митя, — говорил я себе. — Почему он думает, что Узон узнал меня? Может, нам показалось".

Мы говорили о том, что теперь не возьмешь его в город. Не носить же на руках на пятый этаж без лифта. А как объяснить ему это?

Но Узону не надо было ничего объяснять. Он понял все раньше, наверное, еще когда я гладил его по ломкой и пыльной шерсти.

Я уехал один...

Но через неделю бросил все дела и вернулся за ним на машине.

Митя молча повел меня за город. Между островами крапивы желтел бугорок свежей земли... Свесили ветки старые ивы. На вишне у осиротевшей конуры еще терпеливо сидели воробыши над пустой собачьей миской. В узком проходе между ив пронзительно гогубела река.

Больше не завожу собак.

Дубровник

Это — одна из наших овсянок, множество видов которой населяют Россию. Дубровник широко распространен. Кроме европейской России, он населяет Сибирь и Дальний Восток, где встречается гораздо чаще, чем в европейской части. Раньше он был обычен почти во всех областях Нечерноземья, но в последнее время стал здесь редок, а в некоторых местах и вовсе исчез. Типичные его местообитания — это заливные, пойменные луга. А на Дальнем Востоке он заселяет, кроме того, и верховые болота. Прилетает к нам, в среднюю полосу России, поздно — в конце мая, и рано улетает — обычно в августе.

Как и большинство овсянок, гнездо строит на земле, чаще всего оно хорошо замаскировано травой. Но это

не всегда уберегает его от постороннего взгляда. Кукушка находит его и в густой траве. Я находил гнездо дубровника с кладкой из двух его яиц и яйца кукушки. Птицы благополучно выкормили кукушонка.

Обычно в кладке дубровника 4 — 5 яиц, через 12 — 14 дней вылупляются птенцы. В гнезде они находятся 10 — 11 дней, после чего покидают его, но еще около недели держатся поблизости, обычно в кустарнике, где их регулярно подкармливают взрослые птицы. Пройдет еще две-три недели и к середине августа они покинут свою родину, улетая далеко-далеко — в Юго-Восточную Азию, где расположены их зимовки.

В. ЕРОХИН
Фото автора

Русские писатели-охотники

Илья Александрович САЛОВ. 1834 – 1902

М. БУЛГАКОВ

Старинный род дворян Саловых восходит к 17 веку и был внесён в родовые книги многих среднерусских губерний. Илья Салов родился 6 апреля 1834 года в Пензе. В шестилетнем возрасте потерял отца. Детство будущего писателя прошло в окружённом живописными окрестностями родовом поместье Никольском. Мальчик рос на воле, разделяя житьё-бытьё дворовых ребятишек, с которыми установилась «великая дружба». С именем Никольское соседствовали Огарёвы, и с запомнившихся встречами с Н.П. Огарёвым Салов много лет спустя напишет много тёплых слов.

Чистые и незамутнённые временем картины детства, отъездные поля ещё сохранившихся псовых охот, привольные пейзажи появятся во многих произведениях писателя. «Описывая какую-нибудь местность, я неизменно мысленно переносился в село Никольское, вспоминал тамошние ландшафты, которые и переносил на бумагу», — писал Салов впоследствии.

Охота, рыбалка, ловля певчих птиц — всем этим увлекательным и первостепенным для деревенских мальчишек занятиям Салов посвящал столько времени, что его страсти приходилось обуздывать. А время для охоты было такое, что «уток на Тарханских болотах до того много, что, кажется, со всего света собирались они сюда...»

В 1850 году постепенно разорявшуюся семью постигло большое несчастье: страшный пожар уничтожил село Никольское и весь урожай хлеба. Жалкие останки имения были проданы с аукциона за гроши, юному Салову пришлось бросить гимназию, и семья перебралась на жительство в Москву, где Салов поступил на службу в канцелярию генерал-губернатора с пятирублёвым жалованьем. Молодых сослуживцев «канцелярское сиденье» интересовало мало, они увлекались переводами мелодрам и водевилей с французского. Занялся переводами и Салов, что позволяло неплохо подрабатывать, а главное — войти в круг драматургов и актёров, среди которых были и первые величины: А.Н. Островский, М.С. Щепкин, П.М. Садовский.

«Однако заниматься переводами... мне скоро надоело...» — вспоминал писатель. Несколько раз он отправлялся в редакцию «Русского вестника» с рукописями написанных ещё в

Пензе рассказов, но так и не смог побороть собственную робость и отдать их на суд в то время ещё либерального редактора М.Н. Каткова. Помог случай, и в 1858 году в журнале были напечатаны рассказы Салова «Пушкиловский регент» и «Забытая усадьба».

Вдохновлённый успехом, молодой литератор продолжает работать над новыми произведениями, их печатают журналы «Современник», «Отечественные записки» и московские газеты. Мастерское, в лучших тургеневских традициях изображение пейзажа, доскональное знание мельчайших подробностей и деталей быта — все эти качества саловских рассказов были подмечены и высоко оценены влиятельной демократической критикой.

Излюбленный литературный приём Салова — записки охотника — был не нов. Герои его произведений бродят с ружьём по болотам и лесам, просёлкам и деревням, и в это неизменно повествование вплетаются житейские, часто трагические истории.

В начале 1860-х годов в жизни Ильи Салова происходит крутой поворот. Он неожиданно получает часть наследства богатого родственника и надолго уезжает за границу. Берлин, Париж, Рим, Неаполь, Ницца — цепное созвездие европейских столиц и центров культуры калейдоскопом промелькнули перед ним. Многим русским путешественникам Европа кружила голову, но Салов, отдав дань её красотам, решил посвятить свою жизнь «обустройству России». Больше того, после двухлетних странствий у него наступило внезапное и труднообъяснимое охлаждение к литературе. Вернувшись в Россию, Илья Александрович поселился в селе Ивановка Балашовского уезда Саратовской губернии (после Парижа и Рима!), где в течение десяти лет избирался мировым судьёй и «верой и правдой служил народу». Затем он переехал в Саратов и поступил на службу в Мариинский институт. «Очнувшись среди нарастающего поколения, воспрянул духом»... — и вновь вернулся к литературной деятельности.

Изменившаяся общественно-политическая ситуация в стране (после отмены крепостного права), капитализация России и зарождение новых классов, в том числе и кулачества, вызвали к жизни новые драматические коллизии и типы. Произведения Салова, появившиеся в 1870-х годах в «Отечественных записках» М.Е. Салтыкова-Щедрина, стали живым откликом на произошедшие в обществе перемены. Демократическая направленность мировоззрения Салова былаозвучна идеям народнической литературы, и Салтыков-Щедрин всячески поощрял «второе рождение» писателя.

Творческая активность Ильи Салова проявлялась и в его возродившемся интересе к драматургии, новые пьесы с успехом шли на сценах саратовского и московских театров, режиссёром-постановщиком которых нередко выступал сам автор. Салов становится известным литератором, его сочинения издаются отдельными сборниками, выходят и собрания сочинений. В среде охотников особой популярностью пользовались отдельные типографские оттиски-книжицы, посвящённые охотничим приключениям И.А. Салова. В 1890-х годах Илья Александрович тяжело заболел. Последние повести, рассказы и мемуары «Умчавшиеся годы» были написаны уже под диктовку.

После смерти писателя издатель А.Ф. Маркс приступил к изданию 15-томного собрания сочинений Салова (1909), но увидели свет только 6 томов, причём 2-ой том назывался «Рассказы охотника», а 6-ой — «По красному зверю».

В советское время сборники рассказов Салова вышли в Саратове (1956) и Москве (1984). Помещённые в них произведения изобилуют охотничими сценами, мягко и лирично написанными пейзажами Сред-

ней России. Выделяется замечательный рассказ «Соловьятники», рисующий увлекательную и распространённую в 19 веке «птичью охоту».

Литературное наследие И.А. Салова не всегда отмечено высоким талантом, но лучшие его рассказы, особенно охотничьи («Старый доездячий», «За волками», «Охотничий двор», «По красному зверю» и другие) могли бы составить солидный том прекрасной прозы о провинциальной России середины 19 века.

Здравствуй любимый журнал! Я охотник из Омска, мне 30 лет. Всегда с нетерпением жду очередного номера «Охоты и охотничьего хозяйства». Мы, молодые охотники, практически не имеем доступа к ранним выпускам нашего журнала. Поэтому прошу вас, если это возможно, публикуйте охотничьи рассказы и другую информацию из старых номеров журнала.

С уважением
А. ШЕЙКО

Охота с круговой уткой

И. САЛОВ

Имеете ли вы понятие об охоте с круговой уткой? Сейчас я вам расскажу, в чем она состоит.

Охота эта начинается обыкновенно тогда, когда утки, сев на гнезда, начинают тщательно укрываться от преследования селезней. Круговая утка является тогда искомой приманкой. Подверженная долгому заточению в какой-нибудь душной и тесной кошелке, но тем не менее находясь под влиянием опьяняющей весны, она, в свою очередь, тоже тяготится одиночеством. Этим-то моментом и пользуется охотник. Он берет утку, надевает ей на ногу кожаную «шпорку», к шпорке привязывает аршина в четыре поводок из тонкой бечевы, а другой конец поводка прикрепляет к колечку, свободно вращающемуся в центре небольшого деревянного кружка. Кружок этот наглухо закрепляется сверху к заостренному колу, а кол вбивается в дно озера или болота так, чтобы кружок как раз совпал с уровнем воды. Кружок устраивается для того, чтобы плавающая на воде утка, в случае утомления, имела место для отдыха, а свободно вращающееся колечко — на тот предмет, чтобы не заматывался поводок. Охотник помещается от утки саженях в десяти и укрывается в шалаше. Селезни слетаются на призывной крик утки и, конечно, попадают под обстрел. Охота, нечего говорить, подлая, но есть много любителей, которые восхищаются ею. Уток этих одни называют «круговыми», потому что они плавают на кругах, другие — «кряковыми», потому что они «крякают», третьи же — «криковыми», потому что они кричат. Так как в описываемой местности их называют «круговыми», то и я позволю себе так называть их. Лучшими круговыми утками считаются смоленские. На вид они действительно более других походят на диких крякв: такие же строгие, с тонкими красивыми шейками, сухими головками, такие же стройные, и имеют совершенно одинаковый с дикими голос. Но насколько необходимо

это сходство — определить не могу, мне приходилось, по крайней мере, видеть, что селезни об эту пору неразборчивы и падают даже на чучел, если только охотник покрикивает в шалаше в утиную дудку.

Такая-то охота называется охотою с круговою уткой. В назначенный час я был уже у Николая, он оказался прав, объявив, что любой мальчишка укажет мне на его хату. Мне указал ее такой клоп, который даже путем говорить не умел. Мы не замедлили отправиться в путь и вскоре опять были на том месте, где встретились утром с Суэтным. Мы осмотрели жерлики, и Николай опять взял двух сомят и трех довольно больших судачков.

Собрав добычу и снова поставив жерлики, мы уселись в челнок, обогнули остров и там, где река сливалась в одно русло, принялись опускать перемет... Перемет Николай опускал мастерски: тихо, осторожно. Я сидел на корме челнока, а Николай вниз живо-

том лежал на его носу и погружал в воду перемет. При малейшем шуме, производимым мной, Николай быстро оглядывался, делал недовольное лицо и шепотом приказывал мне не шуметь.

— Место здесь глухое, — говорил он, — народ ходит редко, а потому рыба здесь строгая, чует даже, когда человек по берегу идет. Значит, надо осторожно.

И точно, Суэтной действовал так осторожно, что не производил ни малейшего шума. Чтобы не стучать ногами о челнок, он даже разился, а мне под ноги бросил охапку сухой прошлогодней куки. Челнок этот, выдолбленный из толстой ветлы, был до того легок, мал и качек, что я, сидя в нем, едва дышал от страха: так и казалось, что вот-вот мы кувыркнемся в воду.

Однако все обошлось благополучно, и, когда совсем стемнело, перемет наш был уже опущен, и мы, вытащив на берег челнок шли с Николаем по направлению к Микишкиным болотам.

Отрывок из рассказа «Николай Суэтный»

Ночь была до того темная, что если бы не Николай, то я, конечно, никогда не разыскал ни болота, ни устроенных на нем шалашей. Впоследствии оказалось, что их и днем даже трудно было рассмотреть, ибо, сделанные из кое-какого хвороста, стволов прошлогоднего репейника и прикрытые камышом и кугой, они скорее походили на кучу сухого мусора, нанесенного водой, а уж никак не на шалаши. Мы порешили провести ночь вместе, а с приближением утренней зари — разойтись. Так как шалаш, назначавшийся для меня, представлял собой более удобства, был просторнее и устлан довольно толстым слоем куги, то мы оба забралась в него, захватив с собой ружье и кошелку с утками. Выкурив две-три папиросы, я завернулся с головой в драповую охотничью чуйку и, утомленный продолжительной ходьбой, а главное, убаюкиваемый сопением спавшего уже Николая, вскоре уснул.

Было еще совершенно темно, когда я почувствовал, что кто-то осторожно толкает меня в плечо.

— Вставайте, — сказал Суэтной, — пора, заря скоро.

— Не рано ли?

— Самое время, пора. Пока уток приладим, пока разберемся, заря-то и займется.

Проговорив это, Суэтной принялся стаскивать с себя сапоги.

— Никак, ты сапоги снимаешь? — спросил я.

— Сапоги?

— Вот это хорошо! Люди обуваются, когда встают, а ты, наоборот, разуваться начал.

— Да ведь тут, поди, болото, вода... Сапоги-то на денежки тоже покупают-ся.

Разувшись, Суэтной засучил портки выше колен, взял кошелку с утками и на четвереньках выполз из шалаша, иначе выйти было невозможно. Глядя на него, пополз и я. Как, однако, ни было еще темно, но Суэтной даже и в темноте разобрал уток.

— Вот самую хорошую, — шептал он, ощупывая уток, — самую горячую. Столько в ней этой жадности, что ни минуты молча не просидит. На всю округу заорет.

— А себе-то? — спросил я.

— Ну, у меня и похуже сойдет. Не велик барин!

И, вынув из кошелки утку, которая предназначалась мне, Николай пошел с ней к болоту, захватив и колышек. Послыпался плеск воды, какой-то глухой стук, хлопанье крыльев, опять плеск, шум какой-то взлетевшей птицы, а немного погодя передо мной в темноте снова показалась фигура Суэтного.

— Устроил, посадил! — прошептал он.

— Что же она молчит?

— А вот дай срок, оглядится.

Затем Суэтной ощупью же отыскал свое ружье, кошелку с другой уткой, колышек и, наказав еще сидеть в шалаше смирно, направился в противово-

положную сторону и в ту же минуту словно утонул во мраке.

Я забралася в шалаш и, в ожидании зари, закурил папиросу. Немного погодя звезды стали меркнуть, мрак ночи заменялся каким-то сероватым светом. Можно было различать уже кусты, воду, деревья. В воздухе стало так сырое и прохладно, что неприятная, судорожная дрожь охватывала все мое тело. Я завернулся в чуйку, прижался в угол шалаша, причем придавил мышонка, успевшего только пискнуть, и принял ся терпеливо ждать рассвета. С приближением зари болото стало пробуждаться. В сухих прошлогодних камышах, наполовину повалившихся, все чаще и чаще стало раздаваться хлопанье крыльев, можно было догадаться, что это отряхивалась птица, пропищали где-то кулички-песочники, крикнула цапля, да так пронзительно, как будто ее резать собирались, что-то начало плескаться в воде. Болото словно задымилось. Промчался заяц мимо самого шалаша и так громко протопал, словно лошадь проскакала. Послыпалось хрюканье селезней, торопливый свист их крыльев. Где-то крякнула утка, крякнула другой раз и, получив ответный отзыв нескольких селезней, принялась страстно надрываться. Хрюканье селезней слышалось ближе, что-то шлепнулось в воду, скользнуло по ней, раздалась какая-то возня, драка, плеск воды, хлопанье крыльев, и потом все замолкло. Я взглянул в отверстие шалаша, но моя «жадная утка» сидела себе на хохлившись на кружочке и словно окаменела.

Но вот восток заалел, сначала чуть заметно, а затем ярче и ярче. Звезды исчезли, словно кто-то дунул на них и потушил. Огонь разлился по горизонту, и на ярком фоне этого зачернели кудрявые кусты тальника. Я встал на колени и принялся смотреть на все это в дырочку шалаша. Словно стекло панорамы было передо мной, с той только разницей, что ни в одной панораме нельзя было увидать той могучей картины, которую я видел здесь. Я видел, как яркая полоска зари разливалась все шире и шире и как затем, по мере разлившегося света, бледнела, таяла и исчезала ночь. Болото подернулось туманом. Туман словно колебался, то расстился пеленой, то клубился, то разрывался на части, как тонкий креп, и тогда взорам моим представлялось зеркало воды, местами поросшее кустами вербы и тальника. То вдруг вылезала ветла с корнем, вывороченным бурей, и растопырившийся корень этот, как чудовищный паук с длинными ногами и щупальцами, точно силялся вцепиться и засосать не подалеку сидевшую цаплю. Через минуту все это снова затягивалось и исчезало. Болото пробудилось окончательно. Воздух зазвенел сотнями голосов. Целая стая селезней вертела где-то злосчастную утку, то и дело со свистом и хрюканьем проносились они над самым шалашом и чуть не касались до него крыльями. Закозыряли в воздухе

крикливые чибисы, замахали над водой чайки, закрякали коростели, замакали перепела... Но, как ни шумлив был весь этот концерт пернатых, а лягушки все-таки заглушали его. Такого неистового кваканья я сроду не слыхал. Точно лягушки всего мира собрались сюда и восстали, защищая свои права на болото. Высунув из воды головы, раскорячив лапы, пыжась и раздуваясь, они словно гнали все живое население болота, словно лаяли, словно ругались самой площадной, безобразной бранью. То они ныряли, то вновь выскакивали наружу и, выскочив, еще безобразнее принимались ругаться. Какая-то серенькая птичка с длинным хвостиком села на пруток шалаша — как раз перед отверстием и чуть не на нос мне, помигала черными, как уголь, глазками, потрясла хвостиком, но снова пронесшаяся стая селезней спугнула птичку. Туман исчез, и болото очистилось. Передо мною открылось огромное пространство, затопленное водой и местами поросшее тальниками, ветлами и камышом, но шалаша Суэтного я все-таки рассмотреть не мог.

Вдруг страшный, оглушительный выстрел!.. Я выскочил из шалаша и увидел неподалеку целое облако дыма.

— Слава тебе, господи, жив остался! — раздался из этого облака голос Николая.

— Что с тобой? — спросил я, мгновенно подбежав к нему. Но Николай уже мчался по болоту, и только брызги летели во все стороны.

— Что с тобой? — повторил я, когда он возвратился.

— Смотри-ка! — кричал он между тем. — Вот так ловко! Целых пять штук повалил... ажно земля задрожала...

И затем, свернув пораненным селезням головы, он забормотал скороговоркой:

— Ступай, ступай! Прячься скорее... Терпича самая охота начинается! Ступай, ступай...

Только после узнал я, что Суэтной имел обыкновение в один из стволов сыпать целую горсть пороха «на случай, когда много уток соберется». Попыснет, бывало, и — брык! «Слава тебе, господи, жив остался!»

Выстрел этот помог мне открыть местопребывание Суэтного, его шалаш, и вместе с тем рассмотреть и плавающую неподалеку круговую утку. Я не мог глаз оторвать от этой утки, и только теперь догадался, что крик утки, о котором я говорил выше, производился именно уткой Николая. Она ни минуты не молчала и, плавая вокруг колышка, беспрерывно кричала самым раскатистым призывным криком. Селезни так и вились над нею, при виде их она еще пуще надсаживалась, металась и хлопала крыльями... Послыпался опять выстрел — на этот раз уже обыкновенный, — и Николай снова, что было мочи, бежал по воде, направляясь к подстреленному трепыхавшемуся селезню, схватил его и снова скрылся в шалаше.

Я посмотрел на свою утку: даже ру-

жейный выстрел не пробудил ее от апатии, и по-прежнему она продолжала сидеть, скучожившись, на излюбленном ею кружочке. Суетной продолжал между тем подстреливать и подбирать убитых селезней... Меня даже зло взяло! С досады я собрался было оставить шалаш, как вдруг Николай снова «громыхнул», снова перекрестился и бросился подбирать добчу. Только после этого громового раската утка моя словно проснулась, спустилась легонько с кружка и принялась кувыркаться, доставая со дна тину. Я ждал, что вот-вот она, накувыркавшись, крикнет, но не тут-то было! Снова забралась она на кружок, запрятала голову под крыло и заснула, точно замерзла.

— Однако ты меня поддел ловко! — проговорил я, когда Суетной, весь увешанный селезнями и со щекой, избитой в кровь, подошел к шалашу.

— А что?

— Нечего сказать, удружи! утка-то твоя прославленная хоть бы разок рот разинула!

— Ну! — удивился Николай и развел руками.

— Вот тебе и ну!

— Ах дьявол! ах проклятая! ах анафема! А ведь какая утка-то! жадная, скорбная...

— Уж именно, что скорбная...

— Что ж это такое! что за оказия! Ах, проклятая! Нет, моя ничего, орала ловко!

— Сколько же ты наколотил-то?

— Тринадцать, смотри, — проговорил он, пересчитывая развесенных на пояс селезней. — Тринадцать, верно... Эх, штуки-то хороши!

— Хороши-то хороши, только уж тебе не миновать беды.

— Как так?

— Разве можно, горстями порох ссыпать?

— Да ведь это, поди, мушкетон турецкий?

— Ну, выдумал еще.

— Верно тебе говорю. Ты погляди-ка стволины-то какие...

— Просто тульская двустрелка, — проговорил я, рассматривая на стволах надпись и клеймо, — да еще вдобавок бечевой перевязана.

— Это я волка по лбу колотил и поломал ложу-то. — И потом, вдруг про-кашлянув, спросил: — А что, с пол-дюжинки селезней-то не возьмешь?

— Да ведь ты жигулевскому барину хотел...

— И ему останется.

— А почем?

— Ну, чего там! Нешто с тебя возьму лишнего! Жигулевский-то по четвертаку платит, а с тебя что положишь.

— По двадцати довольно, что ли?

— Знамо, довольно.

Я взял шесть штук.

— А уточку не купишь? — спросил Суетной.

— Которую?

— Да любую!

Я купил утку, купил еще двух судаков...

Славный юбилей

Геннадию Ивановичу Блохину исполняется 60 лет!

5 октября мы отмечаем юбилей доктора сельскохозяйственных наук, действительного члена Российской академии естественных наук, профессора Геннадия Ивановича Блохина. Он родился в 1951 году в живописном Подмосковье, в г. Кашира. Еще в школьные годы проявлял большой интерес к родной природе и охоте, а в дальнейшем — и к естественным наукам, а именно к зоологии и звероводству.

После окончания в 1974 г. зоотехнического факультета Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева по специальности зоотехния поступил в аспирантуру (кафедра зоологии и дарвинизма).

Общий трудовой стаж Г.И.Блохина — 43 года, научно-педагогический стаж — 35 лет. С 1980 года и по настоящее время он преподает (ассистент, доцент, профессор) в Российском государственном аграрном университете — МСХА им. К. А. Тимирязева. В 1999 г. успешно защитил диссертацию и стал доктором сельскохозяйственных наук. Его докторская диссертация посвящена разведению охотничьего фазана в искусственных условиях. В 2000 г. его избрали заведующим кафедры зоологии РГАУ-МСХА им. К.А.Тимирязева, которую он успешно возглавляет более 10 лет. Под научным руководством Г.И.Блохина подготовлено 3 кандидата наук. Он опубликовал более 200 работ, в том числе более 10 монографий, учебников, учебных пособий в области зоологии, звероводства, кинологии и охотоведения. Блохин читает лекции по курсам "Зоология", "Кинология", "Зоокультура", "Звероводство" для студентов и ведет лабораторно-практические и семинарские занятия по этим дисциплинам. Он разработал программы подготовки по новым специализациям, открытые на зооинженерном факультете: зоокультура, кинология, фелинология.

Геннадий Иванович достойно продолжает славные традиции, заложенные его учителем профессором Борисом Александровичем Кузнецовым, в области подготовки биологов-охотоведов. Благодаря его усилиям, с 2001 г. на дневном отделении зооинженерного факультета Тимирязевки восстановлена и успешно ведется подготовка биологов-охотоведов. Под руководством Геннадия Ивановича кафедра зоологии динамично развивается. К работе на кафедре и преподаванию привлечены ведущие специалисты различных областей зоологии, охотоведения, кинологии и зоокультуры.

Блохин Г.И. — один из инициато-

ров проведения и член оргкомитета научно-практических конференций "Животные в городе" (2000, 2002); "Зоокультура и биологические ресурсы" (2004); "Сохранение разнообразия животных и охотничье хозяйство России" (2005, 2007, 2009, 2011), член редколлегий по изданию материалов конференций. В 2009 г. — руководитель Научного комитета ХХIX Международного конгресса биологов-охотоведов и ответственный редактор материалов Конгресса. Блохин — член Ученого совета зооинженерного факультета, а также член Диссертационных советов РГАУ-МСХА им. К.А.Тимирязева и Всероссийского научно-исследовательского института охотничьего хозяйства и звероводства им. Б.М.Житкова; Председатель учебно-методической комиссии зооинженерного факультета. Член ряда научно-технических советов МСХ РФ, МПР РФ и Ассоциации «Росохотрыболовсоюз». Награжден медалью в честь 850-летия Москвы, грамотами Министерства сельского хозяйства РФ, медалью имени Вавилова РАН, медалью им. Б.М.Житкова РАСХН, д.в.н.; Каледин А. председатель МГООиР, к.б.н., Заслуженный эколог РФ; Рожнов В. зам. директора ИПЭЭ им. А.Н. Северцова РАН, д.б.н.; Юлдашбаев Ю. декан зооинженерного факультета РГАУ-МСХА им. К.А.Тимирязева, д.с.-х.н.

Мой отец писатель Всеволод Сысоев

Ольга СЫСОЕВА

«Я приучился смотреть на тех, о ком писал, не сверху вниз, а снизу вверх, как сейчас смотрю на Сысоева, который должен был бы стать гордостью нашей страны и ее представителем в среде самых лучших натуралистов мира».

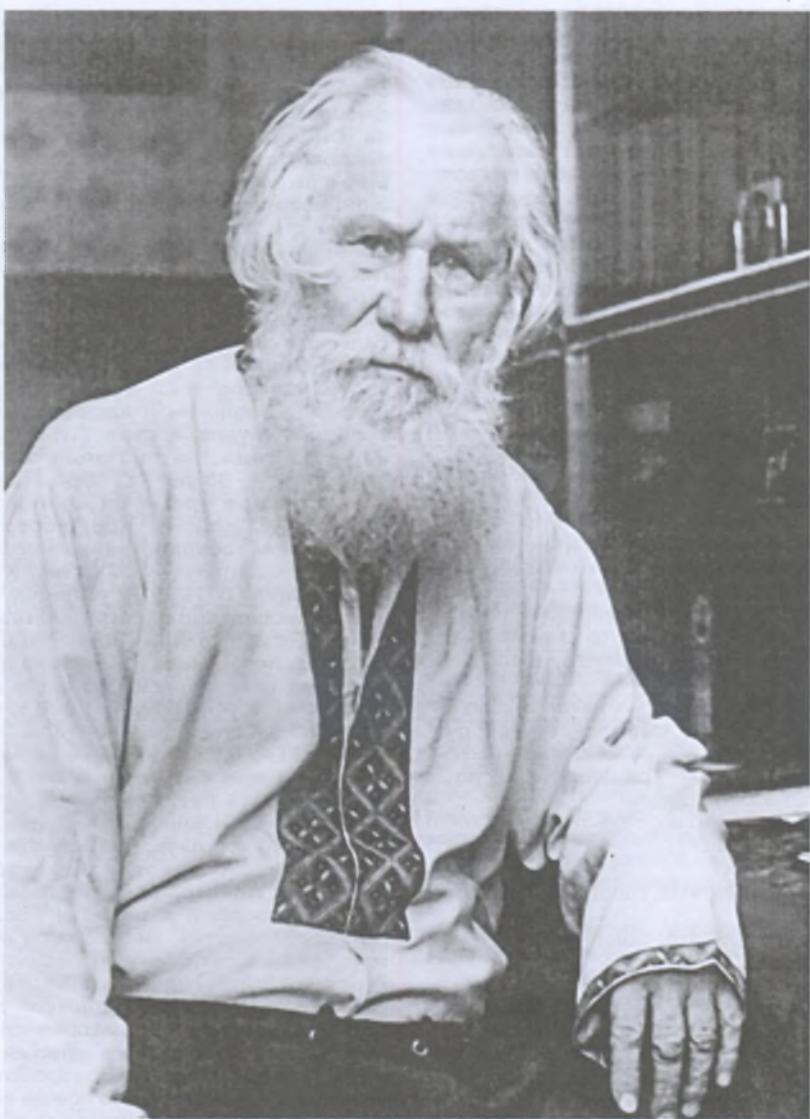
Н.П. ЗАДОРНОВ

Мой отец вошел в сотый год со дня его рождения. За последние годы он почти потерял зрение, ни писать, ни читать сам не может, поэтому я для него стала его глазами. Читаю ему много — невероятная жажда познания не угасает в нем. Светлый ум, удивительная память делают его и сегодня интереснейшим собеседником. Он часто цитирует Пушкина, Лермонтова, неизменно любимого им Алексея Константиновича Толстого, наши беседы часто продолжаются за полночь. А по утрам я записываю всё интересное, что было сказано им и что может не удержаться в моей памяти.

Постепенно ушли из жизни его друзья, соратники, близкие люди, и только круг почитателей Вс. Сысоева как писателя расширяется, интерес к его книгам не угасает, и это делает его счастливым. Осознание того, что он до сих пор нужен читателям, приносит ему удовлетворение, питает желание жить.

Свою литературную деятельность он всегда оценивал очень скромно. Он долго не решался вступать в Союз писателей, считая, что еще не достоин этого высокого звания. Но его друг Н.П. Задорнов так не считал и при каждом визите в Хабаровск поднимал вопрос о принятии отца в Союз. Только рекомендация великого М.А. Шолохова, с которым отец переписывался и которому посыпал все свои книги, вселила в него уверенность, что творчество его не «сущая безделица», и спустя 17 лет после выхода его первой книги он становится членом Союза писателей.

Вообще писательские способности предсказывала ему в далеком детстве княгиня Кошеверова, воспитывавшая некоторое время маленького Севку. Впервые проявились эти способности в младших классах школы. Отец вспоминает, что русский язык ему давался с трудом: ведь он знал разговорный польский, украинский, обязательным тогда в школах Ялты был татарский. С грамматикой русского языка он до сих пор не в ладах. Но, видимо, постоянное чтение книг русских писателей сыграло свою роль в развитии у него способности образно описывать увиденное. Однажды учительница дала детям задание изложить свои впечатления от экскурсии на водопады. На второй день она пришла в класс, положила стопку тетрадей на стол и ска-

Вс.П. Сысоев. «Печально я смотрю на наше поколение»

зала: «Задание выполнили все, но вот я сейчас прочитаю вам самое лучшее сочинение, чтобы вы знали, как надо писать». Она стала читать, и отец услышал, что это его работа. Радость и гордость переполняли его в тот момент.

Первый свой литературный опус он написал в Институте пушно-мехового хозяйства (М.П.М.И.), как его тогда называли студенты — «Пушмех». Это было стихотворение «Глухарь». Много лет оно лежало в его личном архиве, путешествуя с ним по разным дорогам, и не потерялось. Мне оно сразу понравилось: морозный день, чистый воздух, звуки зимнего леса — всё это я хорошо знала и много раз испытывала восторженные чувства,

бывая в зимнем лесу. Но отец не воспринимал всерьёз мои восторги. Конечно, «Глухарь» далёк от совершенства, но искренность и непосредственность чувств проявляются несомненно.

Таежный лес угрюм и дик,
Распадок мшистый и сырой.
Лишь изредка звериный крик
Сосняк разбудит вековой,

Да ветер утренней порой
С живой осиновой листвой
Прошепчет робко. Тишина
Здесь всюду царствует одна...

...Запорошило снегом бор.
Седыми стали великаны.
И не находит больше взор
Ни кочек, пней, покрытых мхами.

Морозный сон обнял тайгу.
Ночами спал глухарь в снегу,
На ветви утром громоздился
И хвоей досыпал кормился.

Тих и морозен день в лесу,
Деревья словно онемели,
Лишь белка на вершине ели
Стрекочет — будит тишину.

Прошла зима, снег потемнел.
Весной повеяло в лесу.
И “песнь любви” глухарь запел,
Взлетев на старую сосну.

Я, звукам тем глухим внимая
И от волненья замирая,
Крадусь с ружьем наперевес,
А песня слышится окрест...

И грянул вдруг ружейный залп.
В весеннем воздухе повис
Ружейный дым. И комом вниз
Упал подстреленный глухарь...

Позже, уже будучи в преклонном возрасте, отец частенько стал прибегать к поэтическому слогу. Большая часть стихотворных строк посвящена его любимой Катеньке.

...Есть негасимая любовь!
Ее зажече не каждый может.
И сердце старое мое
Твой милый образ все тревожит!

Мы встретились в стране лесов и
северных оленей.
Наш путь лежал через хребты, где не
было селений.
Но нас вела охота к перемене мест!
Наш храм была тайга.

Венчали нас заснеженные ели.
С тобой тогда безумно мы хотели,
Чтоб день тот не кончался никогда!
Как было то давно!

Сердечный друг, мы постарели,
И наши дети поседели,
И внуки правнуков растят.

В твоих очах голубизна,
Полна ты светлого сиянья,
И не коснулось увяданье
Мной так любимого лица.

Из века своего прошла ты
шестьдесят
Дорогой светлою, прямою.
Благословляю небеса
За то, что я иду с тобою!

Белоснежная моя лебедушка —
Свет Екатерина Максимовна,
Жена моя ненаглядная,
Подруга моя верная!..

Настало житиё: лежу подолгу на
диване...
Носки ты вяжешь для семьи своей,
А память воскрешает, как в тумане,
Мне образ юной Катеньки моей...

Обладая даром образно передавать свои впечатления, отец естественно пришел к мысли о литературном творчестве. “Проба пера” началась с малого: в одном из номеров газеты “Тихоокеанская звезда” за 1947 год появилась заметка “Весенняя охота” под рубрикой “Из блокнота охотоведа”. Вот первые из тридцати строк узенького газетного столбца: “Весенний перелет водоплавающей дичи в нашем крае начинается примерно с 6 апреля. Еще туманится морозом заря, еще только началь снег и едва засинели лужи, как уже слышатся крики возвращающихся на родину уток”. Дальше — небольшая информация о лучших охотничьих угодьях и видах водоплавающей дичи. На следующий день при встрече с председателем крайисполкома отец услышал: “Я прочитал твою заметку. Очень хорошо. Продолжай писать в том же духе”. Похвала ободрила отца, и он окончательно утвердился в мысли по-пробовать себя в литературе.

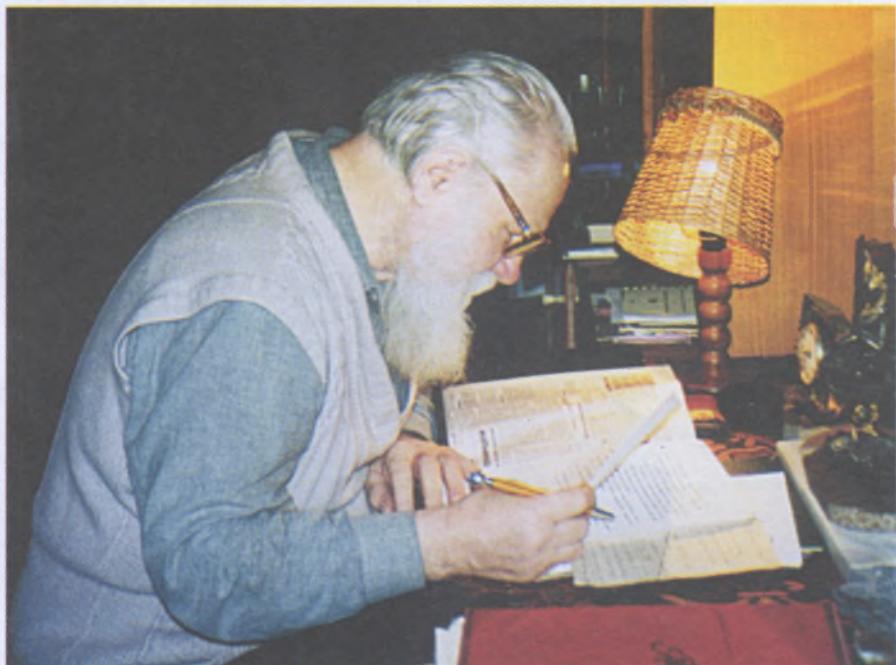
Сначала родился план книги для дальневосточных охотников, в которой он хотел познакомить читателей с тем, что ему было ближе всего — с видами промысловых зверей и птиц, правилами охоты. Подобного издания к тому времени он не нашел в отделе краеведения научной библиотеки. Мыслями о своих планах он поделился с любимым своим учителем и наставником П.А. Мантифелем и, получив добро от профессора, уселился за работу. Так родилась “Охота в Хабаровском крае”, тиражом пять тысяч, в мягком переплете. Читатели увидели ее в 1950 году. В нашем доме царил праздник, когда книга вышла в свет. Художественные зарисовки, личные наблюдения и опи-

сания случаев на охоте сделали ее интересной любому читателю.

Успех превзошел все ожидания автора. Приходили письма от его соратников, друзей, простых читателей-охотников. Двумя годами позже в Хабаровске вышло второе издание, в предисловии к которому отец писал: “Теплая встреча, которую оказали книге читатели, утвердила желание автора продолжить работу в предпринятом направлении. Настоящее, второе издание дополнено новыми материалами. Учтены критические замечания, сделанные читателями первого издания очерков”. Тираж ее уже составлял 15 тысяч, и оформлена она была серьезно — в твердой обложке.

Третье издание этой книги в 1955 году выпустило “Государственное издательство географической литературы” в Москве пятидесятисотиячным тиражом. Книга была востребована, расходилась быстро. Отцу стали поступать предложения написать книгу об охоте в России, и даже об охоте в мире, но он отказался: “Писать о том, чего я не знаю на практике, я не могу”. Тогда Московское издательство литературы на иностранных языках предложило перевести книгу на английский, немецкий, французский и итальянский языки. В 1958 году под названием “Тайга” (тиражом семь тысяч) она попала за рубеж. А спустя восемь лет отец неожиданно встретился со своей книгой в Находке, на советском туристическом теплоходе.

Было это так. В 1966 году его включили в состав дружественной делегации работников культуры и просвещения, направлявшейся в Японию. В ожидании своего теплохода решили по-

Б.П. Сысоев в своем кабинете. Хабаровск. 2005 г.

В.С.П. Сысоев с внучками и правнуком. 2006 г.

сетить другой, стоявший у причала, на котором несколькими месяцами раньше плавал в Японию М.А. Шолохов: его с семьей пригласило в гости японское правительство. В книжной лавке на борту этого теплохода оказалась стопка книг "Тайга" на английском языке. Отец обрадовался несказанно: собственная книга с автографом — чем не подарок любому представителю принимающей стороны. И первая из пяти книг была подарена университету в Нигате, вторая — мэру этого города.

Однако впервые за рубеж попала не эта книга. В 1955 году в Хабаровском книжном издательстве была издана вторая книга Вс.П. Сысоева — "Тигровы", а через два года ее перевели и издали в Китае, но узнали мы об этом значительно позже — в 1989 году из книги воспоминаний хабаровского профессора филологии Ю. Лермана.

"Тигровы" — первая художественная книга писателя Вс. Сысоева. В ней он впервые выразил свою восторженную любовь к природе Приамурья, уникальной, очень древней, изумительно разнообразной, и познакомил читателя с легендарным хабаровским охотником-тигроловом Иваном Павловичем Богачевым, который стал прототипом героев других книг Вс. Сысоева — Калугина и Богатырева.

Я девчонкой не раз бывала в доме Богачевых, летом обедалась крупной, душистой малиной на их огороде, а зимой — мочеными арбузами. И запомнился мне хозяин хлебосольного дома именно таким, как его описал отец: "В его внешнем облике столько доброго спокойствия, неторопливости и даже застенчивости, что можно принять его скорее за пчеловода или садовника,

чем предположить в нем страстного таежного следопыта. Голубые, всегда улыбающиеся ласковые глаза, большая, пышная, серебристая борода, широкое, открытое, типично русское лицо, располагающее к себе взрослого, и ребенка. Слушаешь его мягкий грудной голос — и не веришь, что перед тобой гроза тигров; и только руки — крепкие, мускулистые, развитые, как у циркового борца, дают знать о недюжинной силе, которая нужна охотнику в рукопашной схватке с могучим и ловким зверем".

Запал в душу этот богатырь земли дальневосточной не только отцу. Однажды его вызвали в крайком партии и приказали немедленно доставить Богачева на вокзал. Там стоял поезд со специальным вагоном для академика И.П. Бардина, который, закончив служебные дела, не захотел уезжать из Хабаровска, не попрощавшись со своим другом Иваном Павловичем. Казалось бы, что может связывать академика и простого охотника? Узнав ближе И.П. Богачева, отец понял, что дружба эта зиждилась на близости душ этих людей. Их мировоззрение и мироощущение были одинаковыми, а интеллект Ивана Павловича был на уровне академика. Мудрость, великолепное знание природы во всех ее проявлениях, внимание и доброта к людям, зоркий глаз и потрясающая интуиция — черты, составлявшие суть И. Богачева. Вот почему отец не только оставил литературный портрет замечательного тигролова, но и вдохновил дальневосточных художников Я. Куриленко и Г. Зорина на написание картины "Бригада уссурийских тигроловов Богачевых", которая на международной художе-

ственной выставке в Москве произвела буквально фурор. В центре картины — бригадир Иван Богачев сидит верхом на тигре и голыми руками жмет его голову к земле. Не все посетители выставки верили, что это написано с натуры, а таких случаев в жизни Ивана Павловича было 36. Тигролова снимали лучшие фотографы, очерк о нем В. Сысоева был напечатан в центральной газете ГДР 28 марта 1959 года. Удивительно, что с возрастом мой отец внешне стал всё более походить на Ивана Павловича.

В 1957 году выходит в свет небольшая книжка "В горах Баджала", повествующая об экспедиции, организованной Хабаровским отделом Географического общества СССР с целью изучения растительности, животного мира и народного хозяйства Кур-Урмийского района края. Сколько приключений, открытий случилось у первоходцев этого многокилометрового маршрута! Участниками экспедиции был собран богатый материал для книжки, на обложке которой — зарисовка члена экспедиции В. Клипеля: красные камни на берегу горной речки. Чудо это сотворили водоросли, покрывающие камни.

Четвертое издание "Охоты в Хабаровском крае", существенно переработанное с учетом замечаний и рекомендаций маститых ученых-биологов А.И. Куренцова и А.А. Цымека и охотоведа В.Н. Скалона, вышло в местном издательстве в 1960 году. Тираж его был сравнительно небольшим — всего 15 тысяч, поэтому книга быстро стала библиографической редкостью.

В этом же году отец был назначен директором Хабаровского краеведческого музея. Пришел он туда по своей воле, чтобы превратить это рядовое учреждение культуры в "храм муз". Многомасштабная реконструкция музея под руководством нового директора вывела его на высочайший уровень — он вошел в десятку "Лучших музеев РСФСР" и стал самым посещаемым объектом для гостей Хабаровска всех уровней: от простых туристов до руководителей государств. Эти же, шестидесятие годы были самыми плодотворными в его литературном творчестве: книги "Амба", "По медвежьим следам", "На тигров", "Рассказы дальневосточного следопыта" выходили одна за другой. В этих небольших книжках (издатели принимали рукописи объемом не более 2-х печатных листов!) в виде очерков и рассказов отец постарался опубликовать самое интересное и важное, что удалось ему испытать и изучить, наблюдать и узнать за двадцатилетие активной охоты в отрогах Сихотэ-Алиня и во время частых экспедиций по краю. В них приводятся порой уникальные сведения о биологии и повадках, экономическом значении многих видов зверей и птиц. Автор не только щедро делится с читателями своими впечатлениями, знаниями, но и вовлекает в раздумья о судьбах нашего края. Он прошел маршрутами В.К. Арсеньева и описал уви-

денное уже своими глазами. Особое внимание уделил новым видам промысловых зверей, в акклиматизации которых принимал самое непосредственное участие. Результаты этих трудов уже были налицо: соболь становился ведущим видом в пушных заготовках, ондатра и норка не уступали ему.

В 1962 и 1964 годах в Чехословакии вышли в свет два издания книги "За черным соболем" на чешском и словацком языках. "Золотая Ригма", впервые изданная в 1970 году, уже в 1974 вышла в Чехословакии, а в 1975 — в ГДР. Печатались его книги в Австралии, Латвии, Украине, Белоруссии, но особенно плодотворное многолетнее сотрудничество сложилось у отца с японским журналистом Окадой Кадзая, который за 20 лет жизни в Хабаровске (работал на радио) перевел и издал в Японии книги "Золотая Ригма" и "Рассказы дальневосточного следопыта", подготовил к изданию "Амурских звероловов".

Год назад к отцу обратилась бывшая хабаровчанка, которая уже 13 лет живет и работает в Голландии, с просьбой дать разрешение на перевод "Золотой Ригмы" на голландский язык и издание книги к 100-летию со дня рождения автора. Это ли не подарок судьбы для писателя!

"Золотая Ригма" — это, пожалуй, самое значительное произведение отца. Вдохновил его на создание этой повести «забавный» случай из семейной жизни. Сюжет давно существовал в его

мыслях, поэтому работа спорилась и книга родилась быстро. Главную героиню — тигрицу-альбиноса — он назвал Ригмой не случайно. Когда-то в Хабаровске жила молодая очень талантливая поэтесса Римма Казакова. Всеядный Петрович по-отечески заботливо относился к ней, она отвела ему симпатией и даже посвятила ему одно из своих стихотворений, которое отец любил перечитывать после ее отъезда в Москву. И вот когда он перебирал в мыслях варианты имени тигрицы вспомнил Римму. Но поскольку Римма звучит мягко, одно "м" он заменил на "г", и получилось нечто отдаленно напоминающее имя тигра. Так на обложке рукописи появилось "Ригма. (История жизни одной уссурийской тигрицы)". А.К. Бронников, главный редактор Хабаровского книжного издательства, прочитав рукопись, предложил отцу на название повести добавить слово "золотая". В 1970 году "Золотая Ригма" вышла в свет и с тех пор шагает по планете навстречу своим читателям, выдержав шестнадцать переизданий в разных странах.

В этом же году хабаровские издатели выпустили в свет художественно-документальную хрестоматию "Амур — река подвигов", в которую вошел очерк отца "Славься, мой край!" Это поистине гимн дальневосточному краю в прозе! А через три года в том же издательстве выходит книга "Удивительные звери" с великолепными иллюстрациями хабаровского художника Г.Д. Пав-

лишина. И дальше с интервалом в два года появляются книги "Амурские звероловы", "Путешествия по музею", "В северных джунглях". Завершает цикл книг о животных Приамурья повесть "Хозяин Малого Хингана" о приключениях бурого медведя Мафы.

Своими благодарными читателями Вс. Сысоев считает и детей школьного возраста. И они отвечают ему своей признательностью. Привожу строки отзывов о книгах Вс. Сысоева, найденных в Интернете: "Книгу "Золотая Ригма" прочитал с удовольствием, не мог оторваться". "Мне было очень жалко Ригму, когда охотник убил её мать! Ведь это самое страшное, что может случиться с ребёнком. Я даже плакала, когда читала этот эпизод". "Я просто обожаю книги о животных. Ведь, если задуматься, они очень похожи на людей. Вот и Ригма похожа на несчастного, одинокого человека. Хорошо, что всё хорошо закончилось!!!" "Я читала только те книги, где мне всё понятно. Эта книга написана ясным языком. Она очень интересная и увлекательная!"

Первый детский отзыв на книгу "Тайга" отец получил в начале 60-х. Пришел он из Бельгии. Девочка Даниэль писала, что она с отличием окончила Королевский колледж и получила в на-граду три книги, в том числе Гоголя и "Тайгу". "Гоголя я читала мало, — писала она, — потому что я там ничего не поняла. А ваша книга мне очень понравилась. Я ее прочитала всю. Она напомнила мне Бельгийское Конго, где я

На приеме у губернатора. Вс.П. Сысоев с женой и внуком (в центре). Рядом губернатор В.И. Ишаев, его внук и супруга

Фото Е. Айседулиной. Хабаровск

родилась и выросла. Я спросила разрешения у мамы написать вам, и она мне разрешила". Отца тогда очень удивило, что книга об охоте так заинтересовала девочку, выросшую в настоящих джунглях.

Спустя много лет мы познакомились с охотоведом из поселка Нелькан на севере нашего края Алексеем Фоновым. Родом он из Уфы, после окончания Иркутского сельхозинститута стал охотоведом. На вопрос, как же он стал охотоведом, да еще его занесло в такой суровый край, Алексей ответил, что виновницей такого поворота его судьбы стала книга "Золотая Ригма". Будучи школьником, он участвовал в олимпиаде по биологии и получил в награду за успешное выступление эту книгу. Прочитав ее, Алексей решил, что станет охотоведом и поедет в тот далекий край, где тигры охотятся за северными оленями. Свою мечту он осуществил, причем, как и отец, со временем перешел из охотников в стан хранителей животного мира.

А вот как описывает встречу с В.П. Сысоевым ученица Саша Волк: "Когда была организована встреча с этим писателем в нашей гимназии, я с интересом слушала его выступление, разглядывала его. Внешность у нашего гостя необычная, сказочная: он большого роста, с пышной белой бородой

и приятным голосом. Он мне чем-то напомнил Илью Муромца, жаль только без доспехов. Это удивительный человек, полный жизнелюбия. Он умеет привлечь внимание аудитории, его удивительно приятно слушать как взрослым, так и детям. В его голосе звучала радость оттого, что он соприкасался с миром природы, но вместе с радостью я услышала и тревогу за судьбу мира природы... Всеволод Петрович пришел к нам в гимназию не для того, чтобы рассказать о себе, а чтобы приобщить нас, школьное поколение, к прекрасному миру природы".

Случалось отцу получать письма от читателей примерно такого содержания: "После прочтения вашего рассказа "Ход до смерти" о приключениях кеты Серебрянки, я перестала есть красную икру, мне до слез стало жаль этих рыб". Почему же этот рассказ вызвал такие чувства у читательницы? Да потому что их глубоко пережил сам автор, когда однажды по долгу службы проводил наблюдения за нерестом кеты. Именно в этой экспедиции отец досконально изучил поведение рыб во время нереста и сделал для себя много открытий. Некоторые его наблюдения удивили даже ученых-ихтиологов.

"Взгляд его глаз проницательный, с искоркой иронии, говорящий о стойкой уверенности, жизнелюбии человеческой натуры. Во всем его облике ощущаешь отменное здоровье, сказал бы даже — русскую молодецкую удаль. Он великолепный рассказчик, речь неспешная, чистая, яркая, образная. Голос густой, слушать его легко, интересно", — это строки из письма школьного учителя К.А. Шилова, который когда-то учился в Хабаровском пединституте, на факультете, который возглавлял отец.

Десять лет тому назад Хабаровск посетил В.Н. Ганичев, ныне возглавляющий Союз писателей России. Привожу строки о собрании хабаровских писателей из книги его воспоминаний: "... Самый колоритный и видный Всеволод Петрович Сысоев. Ему в ноябре исполняется 90 лет. Никаких признаков угасания. Бородища в полгруди, пышные

волосы, крепкая ручища, зоркий глаз, четкая мысль. Вот богатырь-то. Главное — богатырь духа. Роскошная книга "Золотая Ригма" издана к юбилею автора. Молодцы хабаровчане! Начинается книга предисловием автора: "Знаете ли вы край, где виноград обвивает ель, а тигр охотится за северным оленем? Этот край — наше Приамурье! Выросший в одном из чудеснейших мест южного берега Крыма, я, как-то быстро сросся с Дальним Востоком, полюбил и принял его всем сердцем. Этот край есть за что полюбить. Здесь еще "веет волей дикой". Необозримые дальневосточные просторы расстилаются перед тобой, пленяя своей неизведанностью. И нигде земля не кажется столь первозданной, влекущей к себе человека, как у нас в Приамурье".

Подводя итоги своей жизни, отец часто говорит, как счастливо сложилась его судьба. Он приехал сюда, "встрече солнца", как шли сюда русские люди многие века, и эта земля стала для него второй родиной. Именно здесь он встретил самую красивую, настоящую русскую женщину, которая разделила с ним все радости и тяготы жизни. Именно здесь он полностью реализовал себя, осуществил свои дерзкие планы обустройства дальневосточной России. Уникальная природа нашего края подарила ему счастье общения с ней. Человеческое общество часто разочаровывало его, но природа успокаивала, вселяла надежду на лучшие времена. Из странствий по неожженным просторам края он возвращался умиротворенным и обновленным, полным сил и энергии. Вот почему его не заинтересовали предложения переехать работать в Москву или Киров, и даже Ясная Поляна не смогла разорвать нити, связывающие его с Дальним Востоком.

Март 2011 г.

11-го апреля утром по электронной почте в редакцию пришло письмо Ольги Всеволодовны: "Дорогой Олег Кириллович! Два часа назад ушел от нас навсегда папа. Уходил очень тяжело".

Рисунки Г.Д. Павлишина
к «Золотой Ригме»

Письмо В. Гурову

Здравствуйте, уважаемый Виктор Федорович! Пишет Вам житель Курской области Николай Иванович Кочергин. В третьем номере журнала «Охота и охотниче хозяйство» за 2011 год я прочитал Вашу статью «Будут ли с благодарностью вспоминать нас», и она тронула меня до глубины души. И мне очень захотелось написать Вам.

Охотой я занимаюсь уже четверть века и повидать пришлось многое. Часто приходилось сталкиваться с наглостью и хамством браконьеров. Я часто задаю вопрос знакомым: каких людей все-таки больше — хороших или плохих, мне кажется — плохих больше. Я всегда старался молодым охотникам прививать любовь к природе, бережно относиться ко всему живому. Также точно воспитываю и своего сына. Спасибо Вам за статью! И еще не большая просьба — напишите ответ хотя бы в двух словах.

Н. КОЧЕРГИН
Курская обл.

Ответ на письмо

Здравствуйте, уважаемый Николай Иванович! Ваше письмо меня очень тронуло своей непосредственностью и доброжелательностью. Меня радует, что я не одинок в своем понимании сегодняшнего положения дел. Большое Вам спасибо! Я тоже часто задаюсь вопросом, каких людей больше — хороших или плохих. Мое убеждение, что хороших людей гораздо больше. Вы можете спросить, почему тогда у нас столько преступников и бандитов, коррупции, обмана? На мой взгляд, зло просто любит себя демонстрировать, и поэтому нам кажется, что оно прет из всех щелей. А воспитанный, порядочный, уважающий других человек всегда держится скромно, не выпячивается, боится обидеть неосторожным словом или необдуманным поступком. Вот на таких людях и держится общество, и будет возрождаться культура и наша любимая охота, воспетая классиками.

С глубоким уважением и охотничим приветом

В. ГУРОВ

Отец и сын Якименко на охоте

Уважаемый журнал «Охота и охотниче хозяйство»! Пишет вам жена и мать охотников и поклонников вашего журнала Якименко Алла Григорьевна. У моего мужа Якименко Петра Витальевича охотничий стаж 34 года, а у сына он начался с 4-х лет. Начинал охотиться с воздушной, несет ее, сам в комбинезоне, идет, падает, подымается, идет дальше. Ему говорят: «Петя, давай воздушку!» А он отвечает: «Настоящий охотник свое оружие несет сам!» Когда сыну исполнилось 9 лет, его папа стал брать на лиман на утку, в 12 лет он добыл гуся, в 15 — кабана. Сейчас сыну 16, охотиться с отцом и с собаками. Наш папа — большой поклонник русских пегих.

Когда получаем ваш журнал, читаем его по очереди, а потом муж с сыном обсуждают самые интересные статьи. Мы часто возим сына на стендовую стрельбу, у него уже накопилось много медалей и дипломов, присвоен II разряд. Сначала он все время занимал вторые и третьи места, а в последнее время всегда только первое. Отправляю вам фотографию, сделанную после очередной удачной охоты, муж и сын по краю со своими питомцами. Очень надеюсь, что вы напечатаете мое письмо и фотографию!

А. ЯКИМЕНКО
Краснодарский край

Здравствуйте, уважаемая редакция! Мне 59 лет, охотой увлекаюсь с детства. Журнал

наш выписываю с 1968 года, все номера хранятся до настоящего времени. Нам, мальчишкам-охотникам, журнал «Охота и охотниче хозяйство» служил учебным пособием по охоте, учил нравственности и охотничей этике. Читая на его страницах рассказы В. Янковского, В. Арсеньева, М. Пришвина, В. Правдухина, И. Соколова-Микитова, мы учились понимать и беречь природу и ее обитателей, учились у них жизни в полном ее понимании.

Сегодня нам, простым охотникам, понятно, что принимаемые в настоящее время охотничьи законы — не для нас, все они имеют антиохотничью направленность. То, что наше Ейское районное общество охотников и рыболовов до сих пор не развалилось — огромная заслуга нашего председателя Соболева Владимира Леонидовича.

Только благодаря его большому опыту и огромнейшей работе мы существуем. У нас по-прежнему ведется работа с молодежью, по охране охотничьих угодий, проводятся соревнования по стендовой стрельбе, спортивной рыбалке, в сроки организуются биотехнические мероприятия. Спасибо ему!

И еще. Очень хотелось бы через ваш журнал поздравить с днем рождения нашего товарища, очень хорошего охотника и человека Кулешова Сергея Ивановича. С 1974 года он постоянный подписчик вашего журнала, своими знаниями и опытом постоянно делится с молодыми охотниками. От имени всего нашего первичного коллектива желаем ему крепкого здоровья и удачи.

П. МИРОШНИЧЕНКО
Краснодарский кр., Ейский р-н

Кулешов Сергей Иванович

Производим и реализуем
КАВКАНЫ КА-2
для отлова соболя,
куницы, белки,
хоря, колонка.

610014; г. Киров,
ул. Пугачева, 35
8(8332) 56-22-28;
8-922-668-10-09
squirrel.kirov@mail.ru

ЗАКУПАЕМ ПУШНИНУ

Рин Поортвлит - голландский художник-анималист

Е. ЦЕЛЫХОВА

Рин Поортвлит, пожалуй, самый известный нидерландский художник-анималист, посвятивший большую часть своего творчества древнейшей страсти человека — охоте. Его рисунки и картины удивляют зрителя незамысловатостью сюжета, сочетающейся с удивительной живостью и реалистичностью изображения.

Поортвлит родился 7 августа 1932 года в маленьком городке Схидам в провинции Южная Голландия — самой западной нидерландской провинции. Маленький Рин очень любил природу и животных, тонко чувствовал и восхищался ими. У его дядюшки Дирка был дом со скотным двором на острове Флаккее. Именно там Поортвлит получил свои первые незабываемые впечатления от общения с домашними и дикими животными, познакомился с их неповторимыми характерами, научился понимать и любить их. Там же зародилось и желание запечатлеть уведенное на листе бумаги. Его первые наброски были посвящены жизни европейской провинции, простым пушистым и пернатым жителям скотного двора и соседнего леска.

После окончания школы Рин больше всего хотел поступить в Академию искусств, но родители избрали для него более стабильную и надежную профессию графика-рекламиста, что, несомненно, оказало большое влияние на формирование его авторского стиля — яркого и несколько «оформительского». И сегодня большинство календарей на тему охоты и сельского хозяйства, которые можно купить по

всей Европе, проиллюстрированы именно его работами. С рекламным агентством он сотрудничал большую часть своей жизни — с 1954 по 1970 год.

К 1960 году Поортвлит полностью переключился на изображение животных, пейзажей и сцен охоты, а уже в 1961 году представил свои первые рисунки в одном из наиболее популярных немецких охотничьих журна-

лов «Wild und Hund» («Дичь и Собаки»).

В 1972 году вышла его первая книга рисунков «На охоте» («Auf der Jagd», «Jachttekeningen», 1972), которая впоследствии многократно переиздавалась. В ней поражающие своей живостью рисунки диких и домашних зверей и птиц, смешных сценок из охотничьей жизни, избушек — всего, что так мило сердцу охотника.

В 1967 году Рин Поортвлит с женой и двумя сыновьями переехал в г. Зост провинции Уtrecht, чтобы полностью посвятить себя работе иллюстратора и художника, где и прожил до своей смерти. Незадолго до нее, в 1992 году вышел его альбом «Мои собаки» («Mein Hundebuch», «Braaf», 1992), целиком посвященный нашим четвероногим помощникам. В нем с юмором и большой любовью изображены собаки, их владельцы, а также сделаны интересные подписи. Кстати, именно подписи, а иногда и пространные комментарии автора прямо на поверхности рисунка, и являются одной из уникальных черт этих работ. На одном листе располагаются две-три словно наспех сделанные зарисовки и подпись или забавный анекдот.

В 1993 году вышло последнее художественное произведение Поортвлита, посвященное охоте, но не последнее в жизни — «Взгляд назад. Об охоте, дичи и нашей истории» (1993). Помимо охотничьей тематики Рина Поортвлита до конца дней интересовала тема крестьянской жизни, в чем некоторые ценители живописи склонны видеть его сходство с Брегелем. Его аль-

бомы «Лошади» (1978) и «В деревне. О сельских работах, отдыхе и старых обычаях» (1975) полны очарования тихих сельских уголков и маленьких провинциальных городишек.

Была в творчестве Поортвилта и другая сторона, которая показывала глубину и многогранность его восприятия мира: один из его ранних альбомов посвящен теме религии «Он был одним из нас. Жизнь Иисуса из Назарета» (1974), в простой и немного наивной манере показывающий жизнь Христа, а целый цикл, рисовавшийся им в разные годы и напечатанный в соавторстве с Вилом Хюгеном, посвящен добрым духам, в которых верят некоторые европейцы, — домашним гномам. На сегодняшний день издано около 20 его книг, которые переведены на 15 языков мира.

Рин Поортвилт умер в 1995 году, как говорят европейские охотники «отправился в поля вечной охоты». Но пережитые им мгновения общения с природой, туманные утренние и вечерние зори, очарование тенистых дубрав и залитых солнцем полей навсегда останутся с нами, снова и снова унося нас на страницах книг в захватывающий и полный удивительных открытий мир — мир охоты.

На берегу Маклай

К 165-летию со дня рождения Миклухо-Маклай

Фото В. УСКОВА

В 2011 году исполнилось 165 лет со дня рождения русского путешественника, зоолога, антрополога и этнографа, человека, известного всему миру по своим работам, посвященным изучению первобытных народов (1846–1888). В 1870-х – 1880-х годах в составе российских экспедиций или самостоятельно Николай Николаевич побывал во многих регионах земного шара, изучая народы Южной Америки, Австралии, Океании и Юго-Восточной Азии. Однако основные свои наблюдения он провел на Новой Гвинея, где в течение десятилетия бывал несколько раз. Северо-восточное побережье острова, на котором он более года жил бок о бок с коренными жителями папуасами, теперь носит название берега Маклай.

Николай Николаевич Миклухо-Маклай родился в Новгородской губернии в семье железнодорожного инженера Н. И. Миклухи – инженера-путейца, строителя Николаевской железной дороги и первого начальника Московского вокзала. Его отец, Николай Ильич Миклуха, родился в 1818 году в Стародубе Черниговской губернии. Прадеду, запорожскому казаку Степану Миклухе было дано дворянское звание за героизм при штурме Очакова (во время российско-турецкой войны). Мать, Екатерина Семеновна, урождённая Беккер, полька по национальности.

До сих пор среди жителей стародубского села встречаются носители фамилий Миклуха, Миклухин. Вторая часть фамилии знаменитого путешественника добавилась позже, после его экспедиций в Австралию.

Семья переехала в Санкт-Петербург, где с 1858 года Николай продолжил обучение во Второй Санкт-Петербургской гимназии. Окончив курс гимназического обучения, Миклухо-Маклай в качестве вольнослушателя продолжает обучение на физико-математическом факультете Петербургского университета. Учёба не была долгой. В 1864 году за участие в студенческих сходках Миклухо-Маклай отчисляют из университета и он на средства, собранные студенческим землячеством, уезжает в Германию. В Германии он продолжает учёбу в Гейдельбергском университете, где изучает философию. Через год Миклухо-Маклай переводится на медицинский факультет Лейпцигского университета, а затем Йенского университета. В Йенском университете Николай знакомится с известным зоологом Э. Геккелем, под руководством которого начинает изучать сравнительную анатомию животных. В качестве ассистента Геккеля Миклухо-Маклай совершает путешествие на Канарские острова и в Марокко. После окончания университета в 1868 г. Миклухо-Маклай совершает самостоятель-

ное путешествие по побережью Красного моря, а затем, в 1869 году, возвращается в Россию.

В середине XIX века Новая Гвинея была еще плохо известна европейцам. И. Миклухо-Маклай принадлежал к плеяде ученых, первыми проявивших интерес к изучению этого загадочного острова. Из всего написанного о Новой Гвинее его особенно интересовали работы по антропологии и этнографии ее коренных жителей. Экспедиция на Новую Гвинею оказалась возможной благодаря поддержке Русским географическим обществом и, хотя финансирование было недостаточным, экспедиция оказалась очень успешной: антропологические и этнографические коллекции ученого обогатили музеи Санкт-Петербурга и Сиднея, обнародованные результаты новейших научных исследований произвели настоящую революцию в представлениях европейцев об аборигенах Океании.

В 1884 году он женится на Маргарите Робертсон, дочери сэра Джона Робертсона – крупного землевладельца и политического деятеля Нового Южного Уэльса, который пять раз назначался её премьер-министром. У Миклухо-Маклай было два сына: Александр-Нильс Маклай (шотландское написание фамилии) и Владимир-Аллен Маклай, которые всю жизнь прожили в Сиднее. В 1886 году

учёный вновь возвращается в Россию. Изношенный организм исследователя слабо сопротивлялся болезням и вечером 2 апреля 1888 года российский учёный скончался в клинике Виляе в Санкт-Петербурге. Похоронен он на «Литераторских мостках» в Санкт-Петербурге.

Жена Миклухо-Маклай и его дети, вернувшиеся после смерти Маклай в Австралию, в знак высоких заслуг учёного до 1917 года получали российскую пенсию, которая выплачивалась из личных денег Александра III, а затем Николая II.

На выставке «На берегу Маклай» в Дарвиновском музее авторы попытались представить Новую Гвинею такой, какой ее увидел Н.Н. Миклухо-Маклай в 1871 году. Это стало возможным благодаря фотографиям Николь Якутович, побывавшей на Новой Гвинеи в 2007 году и сделавшей прекрасный фотопортрет о жизни и быте новогвинейских папуасов, чей образ жизни со временем Маклай мало изменился. На выставке также представлен уникальный животный и растительный мир острова. Посетители смогли увидеть чучела райских птиц, попугаев и плодоядных голубей, гигантского казуара — виды, обитающие только на Новой Гвинее. Из млекопитающих на выставке были пред-

Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклай

ставлены проецидна (примитивное млекопитающее, родственник австралийских ехидн) и новогвинейские сумчатые: кускус и сумчатая летяга. Небольшая этнографическая коллекция предметов быта современных папуасов познакомила гостей музея с

такими экспонатами, как обрядовые маски, кинжалы донганы, каменные топоры паты и котеки — весьма необычные элементы одежды, выполняющие у мужчин функции «фиговых листков».

Дарвиновский музей

В НОМЕРЕ

МАЛОВИЧКО Л., ГАВРИЛОВ А. Оберечь птиц от гибели на проводах	1
СЕВАСТЬЯНОВ А. Хозяйка с Севера	4
ВЕХОВ Н. По Большемельской тундре	6
КОЛОБОВ А. На месте гибели самолета	11
ГРЕВЦЕВ В. Увеличить численность черных бобров	12
ЗАСЕДАТЕЛЕВ В. Лось. Подготовка собаки к охоте на лося. Азы охоты	14
ГОРДЕЕВ А. Мастер клинка из Павлово	18
МАСЛОВ Ю. Консультации оружиеаведа	22
Наш автор — Мамонов Леонид Леонидович	23
КОРОЛЬКОВ А. Дела охотников России	24
ЧЕРНЫШЕВ В. Анатолию Александровичу Севастьянову — 80 лет	26
СЕВАСТЬЯНОВ А. Больше не завожу собак	27
ЕРОХИН В. Дубровник	31
БУЛГАКОВ М. Русские писатели-охотники. Илья Александрович Салов. 1834—1902	32
САЛОВ И. Охота с круговой уткой	33
ДОМСКИЙ И., КАЛЕДИН А. и др. Славный юбилей. Геннадию Ивановичу Блохину исполняется 60 лет	35
СЫСОЕВА О. Мой отец писатель Всеволод Сысоев	36
Письма читателей	41
ЦЕЛЫХОВА Е. Рин Поортвлит — голландский художник-анималист	42
На берегу Маклая	46
ШИШКИН В. Гаги: очковая и сибирская	48

На первой странице обложки:

Охота на кабанов на потравах в Вологодской области
Фото А. Дигилевича

На второй странице обложки:

Охота на реву
Фото А. Дигилевича

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

А.М. Блюм, М.В. Булгаков, Г.В. Висячев,
Т.А. Волжина (ответственный секретарь), Л.А. Гибет,
И. А. Домский, А. А. Данилкин, А.М. Лаврова,
В.Г. Сафонов, К.П. Савельева, А.А. Севастьянов,
А.А. Улитин, В.Б. Чернышев, В.С. Шишкин

Главный бухгалтер Н.М. Видулина

Зав. отделом писем И.И. Полосухина

Художественный редактор М.Л. Кнерцер

Оператор компьютера Н.В. Дервиз

Корректор З.М. Данилова

Фотокорреспондент А.Ф. Дигилевич

Сдано в набор 05.07. 2011 г. Подписано к печати 03.08.2011 г.

Формат 84х108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Тираж 28000 экз. Заказ 2042.

Цена — по каталогу РОСПечати

Адрес редакции: 101000, Москва,

Потаповский пер., д. 3

Тел.: 8 (495) 641-02-28.

Электронная почта ohota.ohothoz@mail.ru

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»

142300 г. Чехов, Московской обл.

Сайт: www.chpk.ru E-mail: marketing@chpk.ru

Факс 8(496)726-54-10, тел. 8(495) 988-63-87

В случае обнаружения полиграфического брака

обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати

12.10.90 № 452

ГАГИ: ОЧКОВАЯ И СИБИРСКАЯ

Очковая и сибирская гаги — обитатели арктических побережий, островов и тундр Сибири и Аляски. Эти утки в своих латинских видовых именах навсегда сохранят память об успешном начале российско-немецкого сотрудничества в области зоологии. Очковая гага и по-русски иногда называется фишеровой гагой. Ее в 1847 г. по экземпляру, добытому в Русской Америке препаратором и путешественником И. Г. Вознесенским, впервые описал академик Ф. Ф. Брандт, выхodeц из Германии, первый директор Зоологического музея в С.-Петербурге, назвав в честь другого обруешевшего немца Г. И. Фишера, профессора Московского университета, первого директора университетского Зоологического музея. Сибирская (малая) гага часто именуется стеллеровой гагой в честь Г. В. Стеллера, адъюнкта нашей Академии наук, участника 2-й Камчатской экспедиции В. Беринга. Этот вид впервые описан в 1769 г. российским академиком П. С. Палласом по экземпляру с Камчатки.

Очковая гага — крупная морская утка; длина свыше 0,5 м, вес около 1,5 кг. Брачный наряд самца характерен оливково-зеленым оперением верха и боков головы. Вокруг глаз большие белые «очки», окаймленные черным кантом. Оперение лба светлым, почти белым, мысиком заходит по верху надклювья до уровня ноздрей. Затылочные зеленоватые перья удлинены. Брюшная сторона темно-бурая с сероватым отливом на груди. Подбородок, шея, передняя часть спины и крыльев белые. Внутренние маховые белые, серповидно изогнуты, крайние внутренние могут образовывать вертикальный уголок над плоскостью спины. По бокам кроющих хвоста белые пятна. Клюв и лапы оранжево-желтые, радужина молочно-белая. Самка охристо-бурая с поперечным крапом почти по всему телу, брюхо бурое, голова довольно светлая. Заметны, как у самца, мысик на надклювье, а также очки из более светлых охристых перышек, внутренние маховые серповидно изогнуты. Клюв серый, лапы желтовато-бурые, радужина бурая. Гнездится очковая гага в июне—июле одиночными парами или колониями. Последние располагаются по соседству с колониями чаек, крачек. Гнездо на земле, в кладке 3—8 яиц. Инкубация 24 дня. Пуховики темно-бурые, более светлые снизу. На крыло поднимаются через 7—7,5 недель. В питании преобладают водные беспозвоночные.

Сибирская гага мельче, длина менее 50 см, вес около 850 г. Самец в брачном наряде выделяется белой головой с небольшими темными очками вокруг глаз. Затылок полукольцом охватывают зеленоватые перья, собранные короткими пучками, подбитыми черным по бокам. Перед глазом также зеленоватая зона. Подбородок черный, на горле иногда сливаются с иссиня-черным широким шейным кольцом. Брюшная сторона ржавчато-каштанового тона, светлеющего по бокам (где ниже сгиба крыла имеется черное пятно) и сгущающегося почти до черного по средней линии к подхвостью. Большая часть спины, первичные маховые черные. Зеркальце синевато-черное. Характерны серповидно изогнутые внутренние маховые, синевато-черные с белым внутренним опахалом, и узкие плечевые. Радужина бурая, клюв и ноги сероватые. Самка буровато-коричневая, в основном с чешуйчатым и поперечным крапом, на груди красноватый налет. Зеркальце синевато-черное, окаймленное белым. Сибирская гага гнездится позднее других гаг, в середине июня. Колонии редки. В кладке 3—8 яиц. Насиживают, вероятно, 3,5 недель. Пуховики темно-бурые. В питании сибирских гаг нередки и растительные корма. Оба вида до недавнего времени были объектами местной охоты, практиковался сбор яиц. Сейчас очковая и сибирская гаги занесены в Красную книгу Якутии, в 3-е Приложение Красной книги России, в Международный список животных, находящихся под угрозой уничтожения. Численность их местами резко сократилась.

В. ШИШКИН

Сибирская гага,
самец, самка

Очковая гага,
самка, самец

Сибирская гага,
самка, самец

Очковая гага,
самка

Очковая гага,
самец

Гаги: очковая

 сибирская

Дорогие друзья!

Подписка на журнал

«Охота и охотничье хозяйство»

на первое полугодие и весь 2012 года началась!

«Охота и охотничье хозяйство» - старейшее периодическое издание об охоте, один из самых почитаемых охотничьих журналов. Ему дарована почетная доля – быть рекордсменом-долгожителем среди всех когда-либо издававшихся у нас охотничьих газет и журналов.

Всегда, во все времена журнал полагал своей главной задачей защиту прав и свобод охотников, защиту ОХОТЫ, как одной из важных отраслей народного хозяйства страны.

«Охота и охотничье хозяйство» последовательно отстаивает право общественности на пользование охотничьими угодьями. Охота, захваченная частными собственниками, становится недоступной для рядового охотника.

В усиление влияния журнала, в его широком повсеместном распространении заинтересованы все общественные объединения охотников: от первичного охотничьего коллектива до областного и краевого обществ охотников.

Руководители общественных объединений охотников! Организуйте подписку на наше издание, премируйте лучших охотников подпиской на журнал, обеспечивайте журналом охотоведов и егерей в охотничьих хозяйствах.

Мы не должны допустить дальнейшего разрушения охотничьих общественно-производственных объединений.

В розницу журнал не поступает, чтобы стать его обладателем, нужно оформить подписку.

Архангельская обл. Таежные угодья по реке Онега

Фото П. Трапезникова

Наши подписные индексы: 70673 на полгода и 72376 на год
по каталогу агентства «Роспечать»